

Т889072

СЕРГЕЙ ОРЛОВ • КОСТРЫ

РБ
0-86

© Издательство „Советский писатель“, 1978 г.

70402-348
0 083(02)-78 Б350-27-78.4702010200

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

КОСТРЫ

СТИХИ

Москва

Советский писатель

1978

КОСТРЫ ЛЮБВИ И ПАМЯТИ...

Я знал, что Сергей Орлов работает над новой книгой, знал и даже поторапливал его: хотелось, очень хотелось, чтобы у него, ярко талантливого и строгого к себе человека, как можно скорее вышла она — эта новая, годами выстраданная книга. Но Орлов — такова натура, — как всегда, не торопился, оставался верен своему рабочему шагу: шел как и шел — ровно, уверенно, без рывков. И, как всегда, в гору, с должным чувством упора и высоты.

И это, кстати сказать, не только в стихах. Это во всем. Это — и в службе и в дружбе. Это — и в слове и в деле. Это — в самом характере Орлова, в его, я бы сказал, северянской первооснове, в уставе его души: уж если делать, то добротнo, уж если баять, то красно. И — совестливо! Вот первоупункт его творческой заповеди. Все — будь это очерк, статья, доклад, — все, к чему так или иначе прикасалась рука поэта, его мысль, его сердце, — все, все говорило нам, его читателям и товарищам по перу, о том, что это не чье-то там вообще, а лично его — орловское. Самобытное, неповторимое. И конечно же высоко одаренное. И если мы сейчас заново всмотримся и вчитаемся в жизнь Орлова до ее последнего, трагически непоправимого знака, то мы в который уж раз убедимся в том, что это действительно так и только так.

Особенно в стихах.

И мы ждали его новых стихов. Ждали его новую книгу.

И вдруг — во что никак не хочется верить — Орлова не стало.

Для нас, близких друзей поэта, весть о его кончине сперва

показалась какой-то чудовищной нелепостью, граничащей с обманом: как так! — вроде бы ни на что всерьез не жаловался, и вдруг!..

Но в том-то все и дело, что не совсем так — «вдруг». Была война. Была та самая Великая, на которой Орлов горел и которая была не только тысячеверстной линией огня, линией поминутной смерти и боли, но и многолетней, обращенной в сторону завтра полосой разрухи, полосой ноющих к непогоде ран, скрипучих костылей, зоной перекаленных нервов и перенапряженных сердец, полем памяти, полем пережитого.

Более тридцати лет прошло с той поры, когда война отошла от Орлова, а вот он, Орлов, все эти тридцать с чем-то мирных лет никак не мог отойти от войны. Все эти тридцать с чем-то лет он, можно сказать, безвыходно находился в зоне того самого постоянного перенапряжения, которое, как электрическое облако, то и дело толкалось в нем и требовало, требовало, как высверка грозы, памяти и памяти, слова и слова.

И Орлов писал. Писал о войне. Писал о своих друзьях-товарищах, как о витязях, прекрасных и в гневе и в любви. Писал нежно и торжественно. А главное, выстраданно, без всяких суесловий и претенциозных изысков. Писал так, чтобы хоть на мгновение, хоть на самое малое чуть-чуть продлить в своем слове жизнь тех, кто навсегда остался там, на поле боя. Писал, как любил. Писал, как помнил. Писал, как благодарил. Писал... И был счастлив хотя бы тем одним, что все, о чем бы он ни писал — о войне, о Родине, о любви, о космосе,— все находило живой отклик в сердцах читателей и ответно возвращалось к нему — к поэту — светом глубокой признательности, любви и уважения.

И так — из года в год, от стихотворения к стихотворению, от книги к книге шел он, поэт, к вершинам духа, правды и красоты. Шел к тому самому заоблачному перевалу, на котором, перед тем как навсегда уйти от нас, он и разжег вот эти свои негасимые «Костры» — костры высокой поэзии, памяти и любви.

Егор Исаев

А мы прошли по этой жизни просто,
В подкованных пудовых сапогах.
Махоркой и соленым потом воздух,
Где мы прошли, на все века пропах,

Нас счастье даже в снах не посещало,
Удачами не радовала жизнь,
Мы жили от привала до привала,
В сугробах мерзли и песках пеклись.

Что из того, что там потом поставят
Потомки благодарные навек
Нам монументы? — не для звонкой славы
Мы замутили кровью столько рек.

Мы горе, что по праву причиталось
И им, далеким, выпили до дна.
Им только счастье светлое осталось,
И мир всю жизнь, как нам всю жизнь — война.

1944

В ОГОРОДЕ

Топорщит перья сизый лук
На грядке в огороде.
Стою с ведром, смотрю вокруг,
Как зелень дружно всходит.
Вдали, поднявшись словно флаг
Над боевым парадом,
Пылает ярко — красный мак
С горошком светлым рядом.
Горошек закрутил усы,
Он выглядит гусаром,
Напившись допьяна росы,
Стоит вояка старый,
Все тянет к солнцу стебелек,
Цепляется за прутик.
Капуста смотрит и в клубок
Листочки в смехе крутит.
Но смех заметен не для всех,
Беззвучен он, как вечер.
Она рассыплет хрусткий смех
Лишь осенью под сечкой.

1938

Он шел по дороге в большое село,
Прохладный, прозрачный, веселый, зеленый,
И люди ему улыбались светло,
Встречая приветливо с низким поклоном.

Навстречу ему выносили цветы,
Герани и розы на тоненьких ножках.
Он шел по хлебам шелковистым густым,
Обрызгав до пят опаленные рощи.

Все ждали, и он не прошел стороной,
Он хлынул на жадную землю со звоном
И люди кричали: — Какой он грибной! —
И капли со смехом ловили в ладони.

1939

НОЧЬ

Давным-давно огни погасли в хатах,
А коростель скрипит, во ржи скрипит,
Над полем месяц тонкий и горбатый,
Как будто серп, на гвоздике висит.
Хлеб жала девка, тяжело пояснице,
Окутал землю вечер полутьмой,
Серп на звезду ближайшую, как спицу,
Повесила и спать ушла домой.

1940

КОПЬЕ

В окаменевшем дубе археолог
Копье нашел в суглинке глубоко.
Был камень отшлифованный, тяжелый
Насажен на крылатое древко.

Должно быть, это было состязанье,
И предки днем, на берегу ручья,
Перед охотой, детям в назиданье,
Метали копья со всего плеча.

Метнул и он, прищурившись от света,
Свое копье. Силен был человек —
Из каменного века предок этот
Копье закинул в наш, двадцатый век..

1940

ДОЖДЬ

Осень. Листья на панели,
Город в тучах над Невой...
Проникает сквозь шинели
Дождь осенний, затяжной.

Только пусть, под ветра свисты,
Льет холодный он и злой.
— Каково сейчас фашистам,
А для нас он свой, родной!..

Сентябрь 1941 г.

ГРАНАТА

В скорлупе с чугунной спинкой,
Не простое яйцо,
Брызнет огненной начинкой,
Только дерни за кольцо.

Если в бой пойдут ребята
И пойду я с ними в бой,
Ты очистишь мне, граната,
Путь в бою перед собой.

А окружит враг проклятый,
Не прорваться из кольца,
Ты спасешь меня, граната,
От позорного конца.

1941

Может, мне и осталось всего
Путь-дорога к немецким окопам,
Танк разбитый, разрывы кругом,
Крови след на поблекшей осоке.

Он ведет, убегая, в лесок,
А в конце, там, где холм муравьиный,
Мне придется улечься в песок,
Под деревьями руки раскинув.

И в опавшей листве золотой
Надо мною в тяжелом безлюдье
Прорастет березняк молодой,
Через ребра распавшейся груди.

20 сентября 1941 г.

Хочу, чтобы меня вело
По всем высотам вдохновенья
Мое прямое ремесло
Танкиста и бойца уменье.

Как пулеметная строка,
Ложитесь на бумаге, строки,
Лети, мой стих, издалека,
Все пережив на свете сроки.

Не ради слов, не славы для,
Явись к потомкам и поведай
О нас, пусть вспомнит нас земля
В час искупленья, в час победы...

1942

Обвалились небесные хляби,
Фронтovou дорогу гвоздя,
Мне припомнился город Челябинск
Весь в столбах голубого дождя.

И девчонка с туфлями босая
В подворотне случайно со мной,
И, плечами друг друга касаясь,
Разговор ни о чем под стеной.

А потом над рекою Миусом
Поцелуи. В кино шепоток,
Расставанье и горлинкой грустной
Прозвучавший с перрона свисток.

Паровоза ответная песня,
Полный ветра и стука вагон,
И над поездом дождик отвесный,
Вслед летящий второй перегон...

Обвалились небесные хляби,
Льет вода через щели под люк.
Почему-то я вспомнил Челябинск
И девчонку забытую вдруг.

1942

Дымные твои просторы,
Труб фабричных окруженье,—
До свиданья, славный город,
Грозный город-оружейник!

На платформах часовые
В ватниках и шлемах черных,
Танки высятся стальные
Под брезентом на платформах.

Рвется в двери хвои запах,
Пролетают полустанки,
Мчит без усталости на запад
Эшелон тяжелых танков.

И от гор до самой Волги
Над землей февральской, снежной
Люди смотрят взором долгим,
И растет в сердцах надежда.

1942

Издали рывкают гулкие пушки,
Люди не спят в этом раннем часу,
Танки стоят на зеленой опушке,
Словно слоны в африканском лесу.
Так вот и кажется, морду поднявши,
Вдруг затрубят от нездешней тоски...
К травам, к земле и к деревьям прижавшись,
В темных лесах притаились стрелки.
Душу томит ожиданье, томленье,
Черт его знает, как время ползет,
Скоро ли этот сигнал — наступленье,
Чтоб без раздумья, как в омут, вперед!..

1942

Как долго мы не получали писем!
Уже сентябрь — осенняя пора.
Леса стоят расцветки яркой, лисьей,
В траве сверкает иней по утрам.

А где-то там, за Вологдой зеленой,
В лесах родной затерян городок,
Мамаша ждет, наверно, почтальона —
Не шлет ей что-то весточки сынок.

Опять дороги письма затеряли,
Тяжелые бои идут вокруг,
И поезда с Московского вокзала
На Вологду отправятся не вдруг...

1942

Не с немцами воюем, а с болотом,
Здесь танки тонут, но мы их ведем...
Ведь кровью обливается пехота
Под пулеметом на снегу седом.
Под минами мостим из бревен гати,
На скорости замедленной ползем.
Хрипя в укор солдатские проклятья,
Дорваться бы, пробраться, а потом...
С раскрытым люком без разбора
По лесу пулеметами хлеща,
Всю силу выжимая из мотора,
Ворваться в деревеньку, и с плеча
Бросать в казенник веские снаряды,
И стервенеть, и напролом вести
Пятидесятитонную громаду,
Сминая все на яростном пути...

1942

Далеко течет река Шексна,
Волги нареченная сестра,
Я ее увижу только в снах
Редких и коротких у костра.

Высоко зеленая звезда,
Свет ее сияет над Шексной,
Легкая, певучая вода
Очень схожа цветом со звездой.

Белые березки на лугу,
Русские, знакомые до слез.
Так же вот на дальнем берегу
Шелестит листва родных берез...

Сядь же рядом, друг, поговорим,
Что-то смолк в лесах орудий гром,
Полчаса осталось до зари,
Тишина, знать, не перед добром...

Видишь над Ведлозером пожар,
Знать, отходят наши, тяжело.
Яростен врага слепой удар,
Много здесь товарищей легло...

Ты откуда сам, с реки какой?
Трудно... На войне как на войне,
Если что, поклон последний мой
Передай моей реке Шексне.

1942

КАРТЫ

Трудный день окончен в школе,
Вечер темный за окном...
Погадай, родная, что ли,
Карты разложи кружком.

Карты врут, а сердцу легче,
Сядь поближе у огня,
Погадай за день истекший
На бубнового меня.

Только карта все плохая,
Вижу, дрогнула рука:
Справа падает лихая
Дама черная — тоска...

Слева дальняя дорога
Да казенный интерес...
Снова на сердце тревога —
Туз виной, шестерка крест...

Но, быть может, в этот вечер
Средь других, едва видна,
Предвещающая встречу
Карта ляжет хоть одна.

Хоть одна, война не вечна,
Мир наступит над землей,
И вернусь в далекий вечер
Я, согласно карт, домой...

1942

ПЕСНЯ О ЛОШАДИ

Жарким осколком снаряда
Шею пробил у ней,
Смотрит тоскующим взглядом,
С крупной слезой на людей.

Алая кровь, как брусника,
Тянется вслед через мох...
Молча, без стона и крика,
Ее не валится с ног.

Вот и окончена служба
И лошадиная жизнь...
Стоило ль в зимнюю стужу
Хвою промерзлую грызть?

В снах на коротких привалах
В редкие видеть часы
Трав голубые завалы
И золотые овсы...

Смотрит с тоской человеческой,
Взрывы грохочут кругом,
Свист смертоносной картечи
Ей уж теперь нипочем.

Вечером выйдет детина,
Вскинет к плечу автомат,
Будет на ужин конина
Для уцелевших солдат.

1942

Зачем руда сто тысяч лет
В земле томясь лежала, зрела,
И рудокоп ее на свет
Извлек своей рукой умелой.

В вагранках плавил руду,
Усталый токарь слиток стали
Точил, и в роковом году
Снаряд на дальний фронт послали.

Был страшен взрыв, и не вздохнуть,
Осколком грудь моя пробита.
Зачем руда далекий путь
Прошла, чтоб мне лежать убитым?

1942

...На картах не гадай, к чему
Себя надеждой тешить глупой,
В родном краю, в моем дому
Пусть обо мне поплачут скупю.

Вернусь, так, значит, нужно так,
Так хорошо, когда не ждали,
Прийти живым из мглы атак,
Из фронтовой грозовой дали.

Без стука двери распахнуть
И встать неслышно на пороге,
С сапог солдатских отряхнуть
Пыль дальней боевой тревоги.

1942

ПЕРЕД АТАКОЙ

Не будешь думать вновь и вновь,
Коль за атакой вновь атака,
Про жизнь и первую любовь,
Когда устал ты как собака.

Когда настывшая броня
Прикосновеньем обжигает,
Теплом табачного огня
Когда лишь душу согревают.

Когда на все нам наплевать,
Лишь только бы скорей ракета,
Чтоб заряжать, хрипеть, стрелять,
Но лишь не ожиданье это.

1943

Спят солдаты крепким сном
Под тремя накатами,
Снится им знакомый дом,
В нем гремят ухватами.
Мать хлопочет над огнем,
Как всегда, торопится.
Кот мурлычет под столом,
Печка жарко топится.
Ребятишки сели в ряд
За столом без скатерти,
Мокроносые, сопят,
Ждут еды от матери.
Вдруг за окнами скрипят —
Слышат — сани-розвальни,
Входит в дом родной солдат
С клубами морозными.
Сквозь огонь лихих годин
К ним прошел сквозь муки он,
Жив-здоров и невредим,
Валенками стучает...

Но гремит в полях война
Над тремя накатами,
Позабыта тишина
И во сне солдатами.

И, быть может, через час,
Так ли, по тревоге ли,
Прозвучит опять приказ
Выйти в путь-дорогу им.
И пойдут вперед они,
Тихие и строгие,
На ракетные огни
Все одной дорогою,
Что через бессчетный бой
За село, высотку ли
Приведет солдат домой
Долго ли, коротко ли...

1943

Вокруг весна беспутная летела,
От нетерпенья жгучего дрожа,
И даже медь на гильзах зеленела,
И прорастали бревна в блиндажах.

А мы стояли над могилой кругом,
Она как двери рубленной проем
В тот мир, откуда нет возврата другу,
Где и весна и зелень — ни при чем.

Ему теперь ни осени, ни лета
Не увидеть над самой головой,
Навек в шинель сосновую одетый,
Он навсегда остался с той весной.

1943

Осенняя ночка темна,
Лесная землянка тесна,
Коптилка мигает тоскливо
Под всхрапы солдатского сна.

Им снятся хорошие сны,
Как будто вдали от войны
Идут они полем с работы
Домой посреди тишины...

Солдату и радости лишь —
Минутку когда улучишь,
Поел, покурил, просушился,
На нары свалился и спишь.

В землянку ворвавшись с дождем,
Сейчас мне кричать им: «Подъем!»
И, светлые сны обрывая,
Бежать им к машинам бегом.

Когда-нибудь после войны
Досмотрят они эти сны.
Я громко кричу: «Подымайся,
Вы что, на печи у жены!..»

1943

Мир вспоминали в танке тесном,
И грусть нежданная пришла
О том, что легкою, как песня,
Жизнь наша до войны была.

Так из глубин траншеи небо
Солдатам кажется синей —
Похож на сказочную небыль
Клин серебристых журавлей.

Сентябрь 1943 г.

В ПОДБИТОМ ТАНКЕ

Морозной ночью в тесной башне
Броня от холода горит.
О чем-то мне ненастоящем
Товарищ тихо говорит.

Тепло товарищ вспоминает...
Он врет, нет на земле тепла!
Одна пустыня снеговая
Вчера и завтра, снег и мгла...

И я кричу ему: — Отставить!..—
Но знаю — тыщу метров нам
Лишь до тепла, но танк оставить?..
Нет! Коченей назло врагам...

Сиди и бей из пулемета,
Чтоб пальцы на крючке свело...
А коль не подойдет пехота,
Зажгут нас, будет нам тепло.

1943

Жил на свете, не скучал,
В офицерском звании,
Пулю дуру повстречал
Родом из Германии.
Покачнулся белый свет,
Ничего на свете нет.

1943

Когда на фронте наступает ночь
И в небе загораются ракеты,
Они встают, идут от фронта прочь,
Белесыми туманами одеты.

Из ржавых вод, из голубого мха,
В истлевших гимнастерках и пилотках,
Они встают. Беззвучна и тиха
Солдат убитых тяжкая походка.

Они проходят мимо часовых,
Бессонных у замолкнувших орудий,
Они зовут по именам живых,
Но их не слышат, их не видят люди.

Их вдаль влечет извечная тоска,
К жилищам мирным, к отческому дому
Они спешат. Дорога далека
По перелескам темным, незнакомым.

Но их в пути вдруг застает рассвет,
Петуший голос на краю России,
И на восток пути им больше нет,
Через поля широкие, пустые.

Тогда спешат они к своим местам,
В неизвестные, холодные могилы,
И воронье взлетает по лесам
И вслед кричит им хрипло и уныло.

А если кто успеет дошагать
По тропкам тайным в то село родное,
Проснется ночью старенькая мать,
И взор ее наполнится слезою.

У ней в ту ночь прибавится седин,
В окно глядеть старушка будет долго —
Почудилось, что в двери стукнул сын,
А это ветер в дверь стучит щеколдой...

И станет долго во дворе скрипеть
Сыпучий снег, стучать в ворота ветер,
В трубе печной о чем-то долго петь...
И женщина уснет лишь на рассвете.

А тот солдат останется навек
Под небесами отческого края,
И станет там кричать, как человек,
Осенний ветер, по ночам летая.

А было, под Волховом синим
В крови поднимался рассвет.
Завязшие танки в трясине
И черные ленты ракет.
Болота, болота, болота,
За каждую кочку бои,
И молча в отчаянных ротах
Друзья умирают мои.
Ползут по кровавому следу,
По черному снегу полки,
Лишь веруя сердцем в победу,
Рассудку уже вопреки...

1944

ОТКРЫТКА

Недели две разыскивала почта
Четырехзначный номер ППС,
И почтальон доставил темной ночью
Открытку в роту, в обожженный лес.

Но адресат погиб на переправе,
И ротный писарь написал в углу:
«Вернуть за невозможностью доставить»,—
И почтальон ушел в ночную мглу.

Она вернулась наконец обратно,
Такой же писарь в блиндаже лесном
«Доставить невозможно адресату»
Отметил молча на углу другом.

Потом подумал: «Час лишь, как убит он»,—
Глазами строчки пробежал и встал,—
Все было как положено в открытке,—
О жизни мертвый мертвому писал...

1944

Тонкая российская береза,
Посредине полымя, огня,
Ничего, что небольшого роста,
Встала, к небу голову подняв.
Падал, умирая, ветер сбоку,
Шел стеной расплавленный металл,
Будто бы коса траву осоку,
Убивал деревья наповал.
Вся была снарядами изрыта
Черная, чугунная земля,
Били танки кованым копытом
Вкруг нее долины и поля.
А она стоит себе, простая,
Будто не бывало ничего,
Белая, лучистая, босая,
Вечной жизни свет и торжество.

1944

Он ничьих не называл имен
Перед смертью в душном медсанбате
И не звал в атаку батальон,
Тщетно поднимаясь на кровати.

Адресов в планшете не нашли,
Слез никто не обронил под вечер,
Холмик рыжей, глинистой земли
Не спеша насыпали на плечи.

И ушли, а в небе тучка шла
И неслышно, будто мать над сыном,
Словно слезы, скорбна и светла,
Уронила крупные дождины.

1944

Любители костра и солнца,
Нарубим топорами дров...
Сосна звенящая, как бронза,
И к ней бересты серебро...

Дым, голубой и горьковатый,
Куриться будет до утра,
Огнепоклонники-солдаты,
Мы сядем кругом у костра...

Деревья тянут лапы-ветки,
Из-под ресниц хвои глядят:
Вот так сидели наши предки,
Наверно, тыщу лет назад.

По ним гулял священный трепет,
Огонь ладони им лизал,
А на болоте плакал стрепет
И ветер травы подрезал...

И нам огонь, как предкам, дорог,
И мы, как предки, на земле
Спим. Роем в ней землянки-норы,
Тоскуем вечно о тепле.
И в злую непогоду и стужу,
Промокшие насквозь, на нем

Портянки и одежду сушим
И согреваемся огнем.

И даже далеко за гранью
Походных лет и всех боев
Нас будут греть воспоминанья
О золотых огнях костров.

1944

Все болота, болота,
На вершки, на шаги
Здесь считает пехота
Расстоянье до Мги.
Словно черные свечи,
Ели в черных снегах,
А за Черною речкой
В красном зареве Мга.
Там за речкою дзоты
В семь рядов, семь траншей.
Через все ты, пехота,
К ней пробиться сумей.
Через снег и трясины,
Где зимою вода,
Где все мины да мины,
Ты не ступишь куда.
Где лежат в маскхалатах
На снегу снайпера
И стучат автоматы
От утра до утра.

1944

ЗЕМЛЯ НОВГОРОДСКАЯ

I

Сердца стук как короткий стон...
Хоть на тридцать минут бы в сон,
Чтобы встала дорога вдруг,
Чтобы тихо было вокруг,
Чтобы вылезти из-за рычагов
Лишь на тридцать минут всего.
Но навстречу леса, поля,
Новгородская мать-земля,
Села древние без людей
Молят будто: приди скорей!
Оскверненная старина...
Сердце, сердце, нам не до сна.

II

На стене одного Новгородского
дома я увидел надпись: ESPANA.

Здесь на фасаде рухнувшего зданья
Широкой кистью, буквы вкривь и вкось,
Написано старательно «Эспанья»,—
Читать мне эту надпись довелось.

Танкист полковник, подошедший с нами,
Остановился вдруг перед стеной,

Он, может, вспомнил камни Гвадаррамы,
Горячий полдень и далекий бой.

Парней черноволосых астурийских,
С которыми на танке в бой ходил,
На отдыхе на ломаном английском
О дорогой России говорил...
А рядом, в старой колее колесной,
Отвергнутый далекою страной,
Весь темнолицый и черноволосый,
Лежал солдат дивизьи голубой.

III

Тысячелетия России
Разбитый памятник в снегу
И купола святой Софии —
Мы все запишем в счет врагу,
И через Волхов мост старинный
Мы им напомним в этот час,
Когда о взятии Берлина
Над миром прозвучит приказ,
И мать городов старинных
Простит нам прошлые дела,
Когда на поруганье им мы
Ее отдали купола...

1944

ТАНКИСТ

Пистолет из рук не выпуская,
Выскочил из люка, задыхаясь.
На пути двоих убил гранатой
И приполз, а на лице нет кожи,
И врачи сказали в медсанбате:
Этот парень вряд ли выжить сможет...

С губ слетело хрипкое проклятье:
Значит, полз и принимал все муки
Для того, чтоб умереть в кровати,
На груди сложив спокойно руки...
Смерть пришла, назвал ее бесстыжей,
Жить решил назло всему,— и выжил...

1944

Я своих фотографий тебе не дарил
И твоих не просил с собой,
О тебе никому я не говорил,
Уходя на рассвете в бой.

Это только поэты пишут в стихах,
Это только в песнях поют,
Будто женская верность на дымных полях
Охраняет солдат в бою.

Ожиданием пули не отведешь,
Заклинать судьбу ни к чему.
Будто ты меня силой любви спасешь,
Я не верю совсем тому.

Позабудешь, устанешь ждать за года,
Если мертвым я упаду,
Схорони, забудь, я живой и тогда
Неприменно назло приду.

1944

Пусть о нас вспоминать будут редко,
Пусть потомки забудут о том,
Как за них несчастливые предки
Умирали под Мгой и Орлом.

Все равно в этой жизни далекой
Будем вечно мы жить среди них —
Черноземом на нивах широких,
Кирпичами в дворцах голубых.

В легкой песне берез по дорогам,
На рассвете в прохладной росе,
В ясных реках и травах, во многом,
Без чего нету жизни совсем.

Без чего не сбывается счастье.
Мы придем непременно в него,
В этот век, через дым и ненастье,
Став свободным дыханьем его...

1944

Здесь земля дрожала не от страха,
Просто было горестно земле.
Осыпались звезды, как на плаху,
На нее в ночной багровой мгле.
И ложились звезды на сосновых
Надмогильных столбиках тогда.
Но вставали батальоны снова —
На ушанках красная звезда.
Звездная моя земля Россия,
Огненным политая дождем!
Ты их на руках своих носила,
Ты их посылала напролом —
Сыновей своих любимых, кровных,
Может быть, единственных, туда,
Где на дзотах в семь накатов бревна,
Проволока густо в три ряда...

1945

ДЕРЕВНЯ ГОРА

В небе клубы дыма плыли,
Пламя прядало шурша,
Ни одна, когда отбили,
Нас не встретила душа.

По угрюмой и пустынной
В наступившей тишине,
Люки распахнув в машинах,
Мы прошли тогда по ней.

И забыл ее б я просто,
Ту деревню на бугре,
Если бы не привелось мне
За деревнею гореть.

Рыжим кочетом над башней
Пламя встало на дыбы...
Как я полз по снежной пашне
До окраинной избы,

Опаленным ртом хватая
Снега рыжего куски,
Пистолет не выпуская
Из дымящейся руки.

Не расскажешь в этой песне,
Да и не к чему. Потом
За меня ребята честно
Расквитались там с врагом.

И осталась не сожженной
Деревенька вдоль бугра
На земле освобожденной
По названию Гора.

1945

Знаю я, в песчаник иль суглинок
Мне придется все же мертвым лечь,
И земли тяжелой пол-аршина
Мне насыпят на воскрылья плеч.

Мне земли не скинуть, столб не сдвинуть,
Но по истеченью многих лет
Стану я песком, пахучей глиной,
И меня тогда на белый свет

Извлечет гончар, веселый, рыжий,
И из глины вылепит кувшин,
На огне меня до звона выжжет
И продаст на рынке за алтын...

И девчонка в жаркий, пьяный полдень,
Встретиться с какой не довелось,
Ключевой водой меня наполнив,
Поцелует, жадная, в засос...

1945

Сумрак сел. Соловьи в кустарниках
Промывают горло росой.
Прикрываем башни угарные
И ложимся в ковыль густой —
Прокопченные дымом, потные,
Будто с пахоты тугари.
Хорошо машины работали
От зари до другой зари.
Краска лупится на орудиях,
Кровь как ржавчина на броне.
И вдыхаю широкой грудью я
Запах клевера в тишине.
Все мне кажется — плугом взорвана
За дорогою целина.
«Трактористы» от пыли черные,
В гимнастерках, при орденах...

1915

МАТЬ

Она молилась за победу,
Шесть сыновей на фронт ушли,
Но лишь когда упал последний,
Чтоб никогда не встать с земли,
Победа встала на пороге,
Но некому ее встречать...
Кто там?.. Спросила вся в тревоге
От слез ослепнувшая мать.

1945

Не таким, не в войну, с полпути,
Я мечтал в этот домик прийти.
Щеки в шрамах, в багровых рубцах
(Нету прежнего больше лица),
Руку скрюченную неся,
Кисть багрова, как лапа гуся.
Смотрит с жалостью женщина: вот
С фронта новый калека идет.

1945

ПОБЕДА

Она пришла с улыбкою с вокзала
И скинула к порогу вещмешок,
В избе светло необычайно стало,
И сразу ни печалей, ни тревог.

И мать руками сына обнимает,
Так вот она, победа, какова:
В защитной гимнастерке, молодая,
И у нее седая голова...

1945

Будут жарко натоплены печи,
За морозным стеклом тишина.
Отставной лейтенант в этот вечер
Загрустит за бутылкой вина.
А с пластинки надколотой черной
Чей-то голос негромкий, родной
Повторять ему будет упорно
О землянке в походах под Мгой.
О равнине холодной и мертвой,
О девчонке курносой чуть-чуть,
Что живет на пластинке истертой
Да, наверно, еще где-нибудь.

1945

Когда под пулями лежишь,
Уткнувшись в землю, без движенья,
С особой силой ощутишь
Закон земного притяженья.
Ты двадцать лет ее подряд
Спокойно попирали ногами
И лишь к ручью склоняться рад,
Припав горячими губами.
Ползет по кочке муравей,
И ты, всемогущий царь природы,
Ты позавидуешь ему
Лишь одному под небосводом.
Он мал, он в землю уползет,
Его не тронет пуля злая,
Твой друг убит, а он живет,
Ни войн, ни битв не признавая.
Земля, она как щит стальной,
Когда поднимешься по знаку,
Захочется перед собой
Ее поднять, идя в атаку.

1945

БЕЛОЗЕРЬЕ

1

Здесь ели, словно колокольни,
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты.
И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Плывет протяжный шум тресты,
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

2

Вновь над курганом Синеуса
Взошла червленная луна.
Над всею православной Русью
Как круглый русский щит она.
Пускай она в тысячеверстье
Там, за Непрядвою-рекой,
Князей отважных белозерских
Прикроет сталью броневой.
Там небо скрыто в тучах чадных,
Крик над мамаевой ордой,

Князя выводят полк засадный...
О Русь, вот день победный твой.

3

На городском валу заплачу
И ветром слезы осушу,
Мне вдовый жребий предназначен,
Но на судьбу не заропщу.

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж, и Русь его
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

А мне как чайке убиваться,
Над озером, тоску тая...
Не сможет по Шексне подняться
Его узорная ладья...

Июнь 1945 г.

Огонь на поленьях сосновых в печи
Костры на привалах напомним в ночи,
Далекую осень, раскат журавлиной трубы,
Дороги солдатской судьбы.
Мне очень тоскливо и горько.
К чему — не пойму?
Я сердце и душу махоркой
Дойму. Почему
Ты писем не пишешь,
Открыток не шлешь издали?
Над черною крышей
Прошли рокоча журавли.
И умер огонь. Замолчала за стенкой вода,
В рассветную сонь погрузились и в синь города.
Сегодня я старый,
И тысячетлетняя грусть
Ложится недаром ударом на сердце.
Но пусть. Пусть ты обо мне
Вспоминаешь не часто, не так.

Ерунда!

Огонь оживет. Заворкует за стенкой вода,
И годы пройдут журавлями,
И канут вдали журавли.
С годами отстану грустить
И тебя затеряю вдали.

Женюсь. Закажу себе трубку,
Халат закажу.
И осенью в грубку
Березовых дров наложу.
И их разожгу, как костер,
И, остер, огонь языкатый
Откроет далекий простор,
Солдатских биваков седеющий дым.
Молодым я стану. Из мрака
Ты к нам через дым
Придешь, будешь греться со мной у костра,
Пока непреложная полночь
Не скажет — пора! —
И ветра
Не стукнут о ставни.
И ты не промолвишь: «Оставь мне
Здесь место — пора».
И я от души буду рад,
Что не встретился навек с тобой,
И ты мне осталась
Такой молодой.

1945

Над моим родимым краем,
Посреди недвижных вод,
В небе красным караваем
Солнце медленно встает.

И как будто бы с обрыва,
Чей — не вспомнить, как волна,
С лодки крик летит счастливый:
«Люди, кончилась война!»

Подчистую комиссован,
Не убитый, молодой,
Над сиреневой, лиловой
Над рассветною водой.

Я от солнца глаз не прячу,
В гимнастёрчке стою,
Я стою, смеюсь и плачу,
Белый свет не узнаю.

А у нас в зеркальной шири —
Белый, розовый рассвет,
Тишина. Начало мира.
И войны на свете нет.

1945

Любимая, ко мне приходит снова
Старинная изведанная грусть,
И я ее сегодня за основу
Беру и наговоров не боюсь.

Я шел к тебе по опаленным верстам,
Еще ты дальше от меня сейчас,
Пусть стих мой на бессоннице заверстан,
А ты спокойно дремлешь в этот час.

Но я припомню старые рассветы
И те полузабытые слова,
Своей короткой юности приметы,
За далью различимые едва.

Что ж, в юности мы все клялись когда-то
Любить до смерти, глядя на луну,
Но, смерть и жизнь познавшие солдаты,
Над этим не смеялись и в войну.

Мы пронесли воспоминанья эти
В тяжелых танках, в дымной духоте,
Сквозь грязь и кровь по яростной планете
В своей первоначальной чистоте.

И я пришел, и я спросил в тот вечер,
Ты усмехнулась, ведь любовь прошла.
Но даже дерзко дрогнувшие плечи
Сказали больше, чем бы ты могла.

Серебряным копьём пророкотала
Над миром журавлиная труба,
Да, злую шутку все-таки сыграла
Над нами пресловутая судьба...

1945

Война прошла, но нам еще в атаки
Ходить ночами, жить в сырых землянках,
Ракет многозначительные знаки
Как гороскоп читать из башни танка.

Когда нас перестанут сны тревожить,
Когда нам это время отоспится?
Горящие деревни, бездорожье,
И в небе металлические птицы.

Нам надо долго жить на белом свете,
Привыкнуть к топору, как к пистолету,
Чтоб и во снах увидеть на рассвете
Сады и травы. Мирную планету.

1945

Цветет за окнами картофель,
Топорщит перья сизый лук,
Березки сгорбившейся профиль,
И тишина, и мир вокруг.
Да, мир настал. Так не похожий
На дни войны, но нам, видать,
И мир-то будет долго все же
Еще войну напоминать.
Пчела покажется за пулю,
Грохочущий сурово гром
Бомбежки первые в июле
Напомнит, падая на дом...
Стрижами берег весь прострелен,
Как будто очередь вдруг
Вел пулеметчик, глаз нацелив,
С гашетки не снимая рук.
И полыхаются закаты
Над озером по вечерам,
Как будто очередь вдруг
По украинским хуторам.
Звезда, летящая комета,
Как звезды мертвые войны,
Шипящие в ночи ракеты
С чужой, немецкой стороны.
Березы, раненные будто,
Бинтами все перевиты...

И тишина любого утра,
Как перед штурмом высоты,
Когда кончают бой орудия,
И враг молчит, и все молчат,
И слышно вдруг, как дышат люди
И как сердца в груди стучат...
Нам мало в досталь отоспаться,
Шинели снять, прийти домой,
Чтоб мирной жизнью наслаждаться,
Не сравнивая мир с войной.
Лишь время зарубцует память,
И успокоится душа,
И взглянем мы на мир глазами,
Дней прожитых не вороша.

1945

По небу падает тихо звезда,
Травы звенят под ногами в росе.
Что мне сейчас на звезду загадать,
Чтобы желанья исполнились все?

Танцы играет гармонь за рекой,
Моеет вода камыши в тишине,
Месяц березовой желтой клюкой
Щупает черные камни на дне.

Вот погрущу, у реки постою,
Встречи с тобой помяну и пойду,
Да про рябину негромко спою,
И, помолчав, закурю на ходу.

1915

И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова,
И тайный трепет вновь охватит душу,
И захмелеет разом голова,
И полночь вдохновенья не нарушит...

Быть может, предок дальний по реке
Плыл поутру и слушал скрип уключин,
Увидел дым становья вдалеке,
Холм, облака—весь мир в красотах жгучих.

И вдруг запел, и звук пленил его,
Заныло сердце неизвестной властью...
Вот так и ты: творишь, и ничего
Нет выше для тебя, чем это счастье.

1945

В детстве в речке меня ловили,
Откачали, остался жить.
Парнем стал, в поход снарядили,
Шлем танкистский дали носить.
Пламенем два раза паленный
(На газойле горит броня,
Клочья кожи летят с ладоней),—
Я выскакивал из огня...
Все прошедший, огонь и воду,
Не в пословице — наяву!
Сколько лет, до какого года
Проживу?..

1945

Учила жизнь сама меня.
Она сказала мне,—
Когда в огне была броня
И я горел в огне,—
Держись,— сказала мне она,—
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу.
Держись, сказала, за меня.
И, люк откинув, сам
Я вырвался из тьмы огня
И вновь приполз к друзьям.

1945

Мир безначальный, бесконечный...
Мы, пассажиры на земле,
Летим, а мимо свищет вечность,
Сверкая звездами во мгле.
Куда — уму непостижимо,
К судьбе неведомо какой,
И Млечный Путь, как лента дыма,
Блестит над самой головой.
Страдая, радуясь и мучась,
Пытливо напрягая ум,
Предугадать не в силах участь
Мгновеньями высоких дум.
Где дерзость выше человеческой?
Случайный гость коры земной,
В твои дела вмешаться, вечность,
Он хочет слабою рукой.
Все непреложные законы
Бескрайней вечности открыть,
Никем не созданное лоно
Самой природы изменить,
Он хочет стать творцом, какого
Привык сам отрицать, хулить,
Миры свергать единым словом
И сызнова мир творить...

1945

Живу как получается,
Один и налегке,
Весь дом мой помещается
В походном рюкзаке.

Во все четыре стороны
Открыты мне пути,
А я хочу нетореный
И пятый путь найти.

Хожу, где не положено,
Испытываю жизнь,
И пусть мне вслед прохожие
Кричат: — Чудак, вернись!

1945

ЗИМА

На Крюковом канале паутина
Осеннего прозрачного ледка,
И небо опрокинулось на спину,
В канале утопило облака.

Земля бела, в снегу идут трамваи,
Снежинок голубая кутерьма...
И за пять лет впервые наступает
Простая, невоенная зима.

Затопим печь, забудем о разлуке.
Пускай мороз, пускай метель метет.
Никто теперь, дыханьем грея руки,
В разведку в этот вечер не пошлет.

1946

Слесари, танкисты и поэты,
Люди молодого ремесла,
В дымке бесконечного рассвета
Юность поднимает вымпела.
Мы на свете вечно новоселы,
Мир почти не обжит, сколько в нем
Нам еще орудовать веселым
Топором, лопатой и пером.
Будут новостройки и биваки,
Много пар сапог истопчем мы...
Бытия неведомого знаки —
Звезды прорезаются из тьмы.
Настежь мир раскрыт ветрам и ливням,
Громом ударяют небеса,
И летят, ликующе призывны,
Дымных океанов голоса...
Мы еще на дальние планеты
Корабли Союза поведем —
Слесари, танкисты и поэты,
Мы на желтую Луну взойдем.

1945

ЗАКАТ

Мир был оранжев, синь и розов
За гранью видимой черты.
Он был поэзией — над прозой —
Необычайной красоты.
Шли облака, как волны газа,
Червонный оставляя след,
И вдруг над горизонтом разом
Зари опальный вспыхнул свет.
Как будто покачнувшись странно,
Свод раскололся золотой,
Открылась некая поляна,
Сияя неземной травой,
Она неистово манила,
Восторгом душу цепеня,
В каких лугах, какая сила
Взрастила эти зеленя?
Они цвели одно мгновенье,
Позолотившись по краям,
Но красок новое смешенье
Все разрубило пополам.
Как будто кто-то электродом
Провел по щели сгоряча,
Сварив края литого свода
Огнем последнего луча.
И фиолетовую дымкой
Расплавленный прогнулся свод,

И, подбравшись невидимкой,
Ночь из-за дальних туч идет.
И купол неба остывает,
Сияя вдаль и глубину,
И вот уж искры звезд взлетают,
Потрескивая, в высоту.

1945

За Вологодой метели с бубенцами,
Летят, поют живые голоса,
И где-то за горами и лесами
Спокойно спит душа моя краса.
Я песню-сказку выведу к воротам,
На голубой, дорожный поворот,
Она стоит, готовая к полету,
Копытом тонким скалывает лед.
Звезда упала молча у порога,
Под кем-то тихо скрипнуло крыльцо,
И развернулась скатертью дорога,
Пахучим припорошена сенцом.

1946

Невтерпеж ходить по осени
По булыжной мостовой.
Стосковались ноги до смерти
По дороге полевой.

Вся земля в гранит закована
И асфальтом залита.
Сталью рельс перелинована,
Не житье, а маета.

Сруб веснушчатый, бревенчатый
И тесовое крыльцо.
С тишиной навек повенчаный
Мир мой дедов и отцов.

Там затопят печку рыжую,
Награжденный самовар
Будет петь, сверкать и пыжиться,
Испуская чайный пар.

1946

Мне кажется, что я живу
Немало лет, немало весен,
И то, что прошлым здесь зовут,
Однажды с будущего спросят.
Мне кажется, что я опять
В году неисчислимом, древнем
Проснусь, чтоб жить, мечтать, страдать,
И пиво пить, и есть в харчевне.
Мир вечен, в вечности не раз
Дано мне снова повториться.
И то, что в жизни я сейчас
Познал, не боле чем страница
Из книги жизни, бытия.
Есть бытие, а остальное
Лишь только выдумка моя,
Как сам, как вы, как мы с тобою.

1945

Пусть оборот вокруг оси
Земля спокойно совершила,
И прошлого не воскресить
Уже нам никакою силой.
Я все ищу вчерашний день,
Любые принимая меры...
Клубит по-прежнему сирень
По палисадникам и скверам.
Твой след, впечатанный в песок,
Давно исчез с дорожек сада,
Его сегодня пересек
Рассветный ветер без пощады...
А я хочу, чтоб миг любви,
Весь мир вращающая сила,
Вспять шар земной оборотив,
Из прошлого мне возвратила.

1945

На чужое заглядеться счастье,
Загрустить о близком, о своем.
Если б это было в нашей власти —
То, что в жизни мы судьбой зовем.

Дальние неясные дороги,
Сроки расставаний, числа встреч.
Огонек неведомой тревоги,
Что до лет преклонных не сберечь.

Люди пьют свои воспоминания
Будто многолетнее вино.
Там, в подвалах нашего сознания,
Напиталось крепостью оно.

Давности хотя бы пятилетней
Пью воспоминания глоток...
Девушка на розовом рассвете,
Сонных палисадов холодок...

Где она?.. Текут, как воды, годы.
Отхлестали штормы, тишина.
По веселой, солнечной погоде
Где-то ходит легкая она.

Вовсе о тебе не вспоминая,
По ночам в далекой стороне
Не твое — чужое называю
Имя неизвестное во сне.

У тебя же в войнах и дорогах
Все прошли другие стороной.
На сердце по-прежнему тревога
И тоски неназванной отстой.

Давние истершиеся даты,
Юность, счастье, светлая пора —
Стоят ли они одной солдата
Горестной улыбки у костра...

1945

За слоем Хивсайда, за легкою пылью
Земной атмосферы безмолвье звучит.
Холодная вечность, дремучие крылья
Расправив, в мирах беспредельных парит.

Планеты плывут по орбитам с шуршаньем,
И где-то кометы, хвосты распустив,
Летят по путям громовым мироздания,
Маршруты, как шпаги стальные, скрестив.

Дороги еще не изведаны эти,
Но время идет непреклонной судьбы,
Придет человек — от планеты к планете
Протянутся вдаль верстовые столбы.

1946

Узкий месяц, легок на вспомине,
Золотою лодкой из-за туч
Вдаль плывет, торжественно на синем,
А земля как камень бел-горюч.

До вершин занесена снегами,
Холодна, пустынна и кругла,
Голубыми легкими тонами
На равнинах серебрится мгла.

Где сугробов голубые башни
До небес не достают чуть-чуть...
Будто дымный след пурги вчерашней,
Распластался длинный Млечный Путь.

Затеряться в призрачном сиянье,
И потом еще раз, в век иной,
Пролететь над спящим мирозданьем,
И погаснуть на земле звездой...

1946

Нам уходить от милого порога,
Не возвращаясь много лет домой.
Опять под ноги падает дорога,
И остаются версты за спиной.
В лицо подул старинный ветер странствий,
Забудь былое и иди вперед.
Звезда мерцает в голубом пространстве,
Но, может, не мерцает, а зовет...
Гремят мосты, и наступают сроки
Нежданных встреч, негданных друзей.
Жизнь — это путь, суровый и далекий,
Невыдуманных песен и страстей.
И если есть в конце его березка,
У каждого та, под которой лечь,—
Забудь о ней, живи легко и просто
И не тумань печалью радость встреч.
Есть в трепетанье наших роц зеленых,
В ночных огнях далеких городов,
В березах белых, красноватых кленах
Дух вечной жизни и бессмертных снов.
Учись у сосен гордому упрямству,
Беспрекословно пробивайся ввысь,
И сохрани крутое постоянство
В любви к отчизне, и земли держись.

**А если смерть нежданная встанет,
Гляди в глаза, не отводи лица,
И твердо стой на самой страшной грани
Жестокого, но славного конца.**

1946

Поэтов бессонница мучит в квартирах,
Раздумья тяжелого медленный час,
Утыкана перьями медная лира,
Гудит над чернильницей медный пегас.

Зевают маститые члены союза,
Спят жены и дети, погашена злость —
Прописана теща, и только для музыки
Жилплощади, видимо, здесь не нашлось.

Но ей нипочем, и куда-то, быть может,
Филолог ее провожает опять,
Твердит о заоблачных высях и хочет
Ее по-земному за плечи обнять.

Она на прощанье над ним посмеется,
Уйдет, не вернется, а может, потом
Полюбит без памяти вдруг краснофлотца,
Бездомного парня с обветренным ртом...

1946

Не забыл я тебя,
Но грустить не грущу, не тоскую...
Просто ветры трубят,
Просто где-то кукушка кукует.
Дождь прошел стороной,
В небе радуга разом повисла
Над березкой лесной,
Надо мной золотым коромыслом.
Показалось мне просто,
Что все это было, все было,
Дождь, кукушка, березка,
Что ты обо мне не забыла...
Просто девушка встречная
Мне озорно улыбнулась
С золотого крылечка,
И вдруг, без причины, взгрустнулось...

1948

О далеком селении Чайка,
О зеленой реке Шексне
Полюбилась мне сказка-байка,
Сказка-байка пришла ко мне.

У причалов навек знакомых
На зеленой реке Шексне
Кипень белых кустов черемух
Лебедями плывет по весне.
Подплывает к твоим окошкам,
Задевает тебя крылом.
По лесам расцветает морошка,
Земляника цветет за селом.
Ты окошко раззавеси,
Чтобы было светло, чтобы
Лебединым пухом и песней
Замело половину избы.
Гармонисты кадрили выносят,
Девки издали к ним идут,—
Только мне с тобой по покосам
Не ходить, как в ином году.
Не гадать по ромашке белой:
Любит, плюнет, к черту пошлет...
Синеглазый, русский, умелый,
Парень ждет тебя у ворот.

Я теперь далеко-далеко
От тебя, от Шексны-реки,
От черемухи белой, только
Не уехать мне от тоски...

1946

В ночи трепещет тонкая мембрана,
И слышим мы, к наушникам припав,
Как из пучин ночного океана
Поет нам голос, душу спеленав.

Как бы очищен от всего земного,
Тоскует он на страшной высоте,
К земным радиостанциям прикован,
О дальней межпланетной стороне.

Но нет ответа с Марса и Урана,
Немы планеты на краю орбит...
В ночи трепещет тонкая мембрана,
А космос молча звездами пылит.

1946

Утрами травы розовеют в росах,
Дымятся реки и шумят сады.
И на лесных заброшенных покосах
Отчетливы сохатого следы.

Он рвал осоку влажными губами,
Валялся в травах и ушел в леса,
Покачивая медными рогами,
Прислушиваясь к птичьим голосам.

Ведет тропа к заброшенным озерам,
Горит на поймах изумруд-трава,
Там скрыт от мира древний Китеж-город
На зыбких, будто морок, островах.

Выходит лось к широкому простору,
Глядит, не пьет, тревогой обуян.
Пред ним сосновый возникает город,
Окутанный в сиреневый туман.

Он окружен высоким частоколом,
Светлиц и звонниц острые верхи.
Но вот за сотню верст в далеких селах
Вдруг запевают третьи петухи.

И постепенно Китеж-город тает,
С востока ветер, зыблются дома.
И с ключьями тумана улетают
Неведомой постройки терема.

А с морды зверя тихо по шерстинкам
Стекают капли, и уходит он,
Меж сосен выступая по тропинкам,
Как будто между бронзовых колонн.

На миг застынет под густым навесом,
Прислушается и опять пойдет.
Серебряной жар-птицею над лесом
Рокошет пассажирский самолет.

Звучит далекий окрик паровоза,
О травы где-то звякает коса,
Поют негромким голосом березы,
Полны знакомых голосов леса.

1947

НОЧЬ

Петух грудастый прокричал спросонок,
В хлеву с навозом смешан запах нив.
Во сне вздыхает глупенький теленок,
Жует корова, и комар звенит.

Хозяин спит с хозяйкой на полатах,
Окончен день, и току отдых дан.
И к ребятишкам рыжим, чернопятым
Приходят сны из неизвестных стран.

Деревня спит, домишки сбились в кучу,
Поблескивают крыши, как хребты,
Под месяцем рогатым и колючим,
Глядящим на деревню с высоты.

Но где-то возле сельского Совета
Еще играет вальсы гармонист,
Еще не все частушки перепеты,
Не все с парнями девки разошлись.

У гармониста на груди медали.
Про Венский лес играет вальсы он.
И девушек, что Вены не видали,
Притихшей стайкой парень окружен.

Гармоника кирилловской работы,
По-русски Штраус у нее звучит.
Недаром за рекой, за поворотом,
Лес вологодский сказочный стоит.

В густом лесу спокойствия нарушить,
Покачиваясь, травы не велят.
Волнушки, словно розовые уши,
Насторожила рыжая земля.

И валуны, мохнатые как совы,
Глядят во тьму, в сиреневую муть,
И соловьям в кустарниках лиловых,
Ликующим в ночи, не продохнуть.

Сиги голубоватые в озерах
Ворочаются в водорослях, где
Бездомных звезд взрывающийся порох
Бесшумно угасает на воде.

По сосенкам чешуйчатые шишки
Запутались, как рыжие ерши.
Грибы — толстоголовые мальчишки —
Собрались в кучу и сидят в глуши.

Как леший, где-то филин прохочет,
И вновь ничем, ничем не нарушим
Торжественной, неповторимой ночи
Покой дремучий сказочной глуши.

И вот, бесшумно, медленно ступая,
Выходит волк из чащи. Под луной
Вся шкура глянцевице отливает
То голубой, то золотой волной.

Деревья узловатыми руками
Поддерживают землю... Запах трав.
Шум ветра. Месяц с желтыми рогами
Над комариным звоном переправ.

1946

Над городом синие тени,
Закат отгорел и погас,
И света и тени смешенье —
Какой-то особенный час.

Какой-то торжественный сумрак,
Какая-то на сердце грусть,
О светлом, несбывшемся думы,
Знакомые мне наизусть.

1947

Без тебя и день не в день, и время
Потеряло грани и черты,
Клятвами клянусь тебе я всеми:
Нынче миром управляешь ты.

Вдруг захочешь, чтобы мне светило
Солнце с неба, подойдешь одна,
Улыбнешься милой, самой милой
Из улыбок,— станет даль ясна.

Станет небо синим и огромным,
Все забуду, ревность и печаль,
Будто счастьем грозным, неумным
Одарила,
и ничуть не жаль

Ни ночей бессонных, ни мучений,
Все отдам, и так готов года
Ждать опять подобного мгновенья,
Ревновать, казниться и страдать.

Чтоб потом, как бы средь страшной бури,
Погибая и идя ко дну,
Увидать вдали клочок лазури
И на миг поверить в тишину.

1947

Самое тихое время суток.
Кажется, в мире даже дорог нет.
Воздух, как спящий ребенок, чуток,
Ладонью ударь — и он сразу вздрогнет.

Дальнее эхо пойдет по плесу,
На лес, на дома, на холмы натыкаясь,
Вскрикнет спросонок в кустах и подбросит
Уши, как столбики света, заяц.

Где-то дергач приоткроет дверцу,
Петли немазанные тревожа
В тереме травяном,
И сердцу
Нет ничего, ничего на земле дорожке.

1948

Без следа исчезну, только где-то
На земле дождинка упадет,
Перечтут мои стихи поэты,
Да забудут имя в тот же год.

Что тогда стихи мне, что поэты,
Что телячий оптимизм юнцов,
Падают закаты и рассветы,
Умирают все в конце концов.

Только остается супесчаник,
Память, словно эхо мертвеца,
И глухие зори мироздания
Без начала вовсе и конца.

Свет планет, холодный и туманный,
Счет познаний вечных и смертей,
В мир приходит человек незванный,
И неожиданно подойдет к черте,

За которой темнота, вернее
Нету света, нету темноты,
Не морозит там, и там не греет,
В пустоте, где нету пустоты.

1948

По одной нам земле ходить,
И под солнышком, и под месяцем,
Так положенный век прожить,
Что во веки веков не встретиться.

От печалий и от тревог
Не убавятся годы странствия.
Все мне чудится, как рожок
На забытой смолкает станции.

Все мне видится синий бор,
Желтый домик под красной крышею,
В чистом поле дымный костер,—
Только имя твое слышу я.

1948

«СТЕРЕГУЩИЙ»

Там, где под снегом распаленным стынет
Диковинная в северной стране,
Как будто парус каменный пустыни,
Мечеть на Петроградской стороне,

Есть памятник. В отсеке корабельном
Через клаксон, открытый на года,
Морозу не подвластна и метели,
Упрямо хлещет черная вода.

Летит поземка, замерзает камень,
Из дальних лет в бессмертье сыплет снег,
Открытое матросскими руками,
Там длится мужество и хлещет в новый век.

1948

Медленно вращается Земля,
И летят планеты по орбитам,
Молодой галактики поля
Мглой белесоватою покрыты.

А с Земли в упор на мир глядит
Человек, упрямый и смятенный,
Сколько человеку предстоит
Дела в неизведанной вселенной?

Сколько проторить еще дорог?
И, как будто в путь собираясь тут же,
Он подошвы пробует сапог
И ремень затягивает туже.

А под ним, на полюсах пыли,
Снегом освещенная и светом,
Медленно вращается Земля,
Не совсем обжитая планета...

1949

Как скучно иногда живут —
Заботы, служба, дом да гости.
Хотя в безмолвии ревут,
Поодаль чуть, грома и звезды.
Надел комбинезон пилот,
И через пять минут, не боле,
Стремительный восход, полет,
Рождение и проба воли.
В соседстве с солнцем и луной
Пилотз утверждает скорость.
Созвездия над головой.
Бескрайность грозовых просторов.
Он здесь хозяин сам себе
Единственный и полновластный,
Сам вызов бросивший судьбе,
Обретший знобкий август счастья.
Моряк встречает океан,
Рыбак — зарю и шторм в скорлупке,
Уходит в горы партизан,
Все возникает из поступков.
Но как свалить граниты стен
Привитых правил и привычек,
Условностей железный плен —
Нам в акваториях обычных?

Нет крыльев, парусов, земли,
Горами вздыбленной над веком,
Которые бы помогли
Быть человеку — человеком.
Нет! И, закончивши поход,
Бывает осторожен воин.
Безволен иногда пилот,
Рыбак труслив, моряк запоен.

1949

У КОСТРА

Костер в лугу горящий, над рекою
Вдруг осветивший прошлое огонь.
Иду к нему по светлому покою
Намокших трав, сквозь голубую сонь.

Иное детство стережет сегодня
В ночной коней иного табуна.
Но над водою золотую сходню
На темный берег бросила луна.

Пускай войдет по ней воспоминанье
На этот берег детства, наугад,
Ведь времени невидимые грани
Не составляют для него преград.

Здесь все, как встарь: ты слитки золотые
В костре тяжелой палкой вороши
И, слушая истории ночные,
От страха и восторга не дыши.

Кури сигарки толстые из моха,
Босые пятки согревай в золе.
Да, было детство прожито неплохо
На этой стародедовской земле.

И до сих пор дымок костров недаром
Неведомым волненьем обдает,
Как летним опьяняющим угаром
Прошедшее из памяти встает.

И вдаль идет, где все ему знакомо.
Бесшумен плеск огня багровых крыл...
Я много лет в деревне не был дома,
Я у костра сегодня загрустил.

1950

Я словно опустевшая квартира,
Откуда за полночь ушли друзья.
В ней происходит перестройка мира,
Которую откладывать нельзя.
Передвигаю вещи и предметы,
Сор выметаю. Убираю дом.
Переключаю свет. Поменьше света.
И больше трезвой ясности притом.
Слова, слова... Они еще клубятся,
Как дым несвежий старых сигарет.
Даешь сквозняк!
Пусть ветер с Петроградской
Прохолодит и стены и паркет.
Но главное не в этом. Тихо стало.
С Невы влетел и зазвучал во мне
Крик чайки, отдаленный гром вокзала,
Стук каблучков, как строчка в тишине...

1950

Впервые в жизни на земле большой,
Где сто морей, материков и неба,
Я понял здесь, что мы живем душой,
И стал таким, каким еще я не был.

Не раскрывался предо мной простор,
Я не всходил на облачную гору,
Весь в медных пятнах полыхал забор,
И дым сирени стлался по забору.

Калитка да железное кольцо,—
Одно навек из колец обручальных,
И в темноте светящейся лицо
Вдруг полыхнуло вечной далью.

Здесь счастье мне сказало тихо: да!
И скрылось за калиткой, за забором,
Но дух перехватила мне тогда
Та высота, с которой меркнут горы.

1950

Ни шороха, ни звука, тишина
Ничем не нарушима над заливом,
Лишь на песок ленивая волна
Вдруг рассыпает пену прихотливо.

Глубокий вздох, и вдаль уйдет она,
И никогда ее ты не услышишь.
Над голубым заливом тишина
Спокойно в лето северное дышит.

Ей никого не надо, только я
Люблю ходить на берег одинокий.
Что женщина, что верные друзья?
Все му на свете наступают сроки.

За необычной дымкой горизонт.
В тумане, там, неведомые страны,
И я был так же в жизни унесен,
Как этот парус в синие туманы.

Мне никогда не обрести покоя,
Пока я жив, пускай меня несет,
Как в океане шхуну китобоя,
До всех недосыгаемых широт.

По всем путям и перепутьям дальним,
Навстречу всем тревогам и ветрам.
Я жить хочу, я жить хочу, с печалью
Мешая злую радость пополам.

Чтоб тьму как солнцем разрывая в клочья,
Пройти по жизни там, где горячей,
И все познать, на ощупь и воочью,—
Суть всех явлений в жизни и вещей.

1950

К тридцати летят, идут года,
А еще как будто я и не жил.
Впереди лежат хребты труда,
Горы трудностей и дел безбрежность.

Все в грядущем, как ни погляжу.
И еще уверенности нету:
Может, даром по земле хожу?
Ничего не сделано при этом.

Что я знал, запомнил и сберег
И храню, как вечное наследство,—
Даль гремящих фронтовых дорог,
Начинавшихся почти у детства.

1951

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Чем-то дальним и незнакомым,
Неизвестным тебя возьмет
Вечер поздний и в ночь из дома
Вдоль по улице поведет.
На Неве вода масляниста,
Спят прогулочные суда,
И качается в небе чистом
На всю землю одна звезда.
Дебаркадер белый тесовый
Вдруг покажется на Неве
Просто тихой избой за Псковом
На лугу в голубой траве.
Белой ночи прозрачный полог,
Розоватая тень зари
Открывают тебе, как долог
Давней грусти забытый ритм.
Как волна от того, другого,
Синя берега, вдруг она
Вот придет и охватит снова.
И уйдет она, как волна,
Одинокая и большая, °
Непонятно чем рождена,
В эту полночь тебя лишая
До трамваев из парков, сна.

Вот как будто бы все как надо:
Ты работаешь и живешь,
И друзья тебе вроде рады,
И от них ты не отстаешь.
И доволен собой порою,
И причин для печали нет,
Но почувствуешь вдруг — покоя
В тридцать лет и в помине нет.
И не знаешь, каким девичьим
Легким именем звался он,
Как короткая песня птичья
Ветром времени унесен...
Никогда не брала усталость
От дорог, от забот и дел,
Но не сделано, что мечталось,
И не создано, что хотел.
И по набережным открытым,
Вот идешь, не зная куда...
Остывают гранита плиты,
У мостов бормочет вода.
Занимается день грядущий,
И полнеба в огне уже,
Вот уже он и в комнаты впущен,
На шестом твоём этаже.
Дует ветер с залива, с Лахты,
Крепнут волны, гремят мосты,
Вымпела поднимают яхты
В нетерпении широты,
Неизвестных, грозных просторов,
И дорог по путям зари,
И включает тебя сам город
В свой упругий и вечный ритм.

Говорят, что мы — поколение
И что этим мы и славны,
Поколение — повелением
Высочайшим самой войны.
Ох как трудно стать поколением!
Если мы бы не стали им,
Все б закончилось поражением
И падением мировым.
Что ж, выходит, что поколением
Называют нас не зазря.
Поколение не год рождения,
Поколение — год Октября.
Поколение — фронты гражданские,
Поколение — гребни плотин,
А не просто по свету странствие
От крестин и до именин.
И живем мы, ничем не хвастая,
В этом нашей заслуги нет.
Только есть ощущение ясное
Не напрасно прожитых лет.

1952

Когда искусство не было товаром,
В тот отдаленный примитивный век,
Одеты в шкуры, наделенный даром,
К нему воззвал пещерный человек.
Он силой своего воображенья
Создал охоты пышные поля,
На скалах вдаль легко неслись олени,
Шел грозный мамонт, бивни закругля
Он в них направил каменные стрелы.
Уверенным стремительным штрихом
Черта на камне и стрела летела,
И падали олени кувырком.
Ему все это душу веселило,
И думал он, что горе не беда.
И сила эта новая сулила,—
Да, он все может в мире!
Вот тогда...
Тогда искусство просто жизнью было
Как сон, как солнце, как сама еда.

1952

Жить бы мне на земле
Четыреста лет,
Я б и то, когда смерть привязалась,
Ей сказал бы так:
Что ты ходишь вслед,
Дай пожить еще самую малость.

Наглядеться на солнышко я не успел,
Надышаться родимым небом,
У меня еще столько неконченных дел,
И с земли ты меня не требуй!

Что тебе пятьдесят или сорок годков —
Дай отсрочку, а там, пожалуй,
Сам приду к тебе и буду таков,
Самой лютой кончиной жалуй.

1952

Я не люблю людей, которым
Привычкой стало каждый раз
В речах с трибун и просто в спорах
Употребленье громких фраз.
У них в устах слова святые,
На жизнь дающие права,
Звучат не то чтоб как пустые,
А, скажем, громкие слова.
Я не встречал подобных в роте,
И в батальоне, и в полку,
И были где они в почете,
Так, стало быть, в другом кругу.
Слова, я слышал их не часто,
О них молчали мы подчас,
Нам повторяло их начальство
И лишь по службе, чаще нас.
Когда пятьсот шагов до места,
Где проверяются слова
Огнем, железом, кровью, честью
И верит лишь делам Москва.

1953

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

В утра сумерке синем
Ворота открыты,
Молча лестницу вынес,
Поставил на плиты.

В старом ватнике что-то
Озноб бьет сегодня...
Но не сразу он
Древко сосновое поднял.

Постоял, будто не было
Силы решиться.
По глазам покрасневшим
Провел рукавицей.

И поднялся по лестнице
Вверх, осторожно,—
В темноте, там
Держалку найти невозможно.

Сжаты пальцы сухие
На древке в кулак...
Как тяжел этот легкий,
Этот пламенный флаг.

1953

Золотые песчинки секунд никогда
Не схватить, завалилась бы где хоть одна.
Дважды в реку времен не войти никогда —
Так стремительно мчится вода.
Лишь недвижно сияет в ней та же звезда,
То же небо синеет со дна.
И звезда неподвижна и небо одно.
Может, времени нет?
Может, выдуман бег
Той реки? И понять бы пора нам давно:
Просто быстро течет, как река, человек.

1955

Нет великих людей. Я сам
Гений и человек великий,
Землям, времени, небесам
Заплативший за это выкуп,—
Кровью, сохнувшей на ветру,
И концлагерным потом жарким.
И история на смотру
Не отринет мои подарки.
Нет великих людей. Я сам
Распят был и воспет, как праздник.
Отвечаю все праотцам,
Я не верю больше их сказкам.
Святцы лгали и книги лгут,
Лжива медь монументов косных,
Нету в лбах семи пядей во лбу,
Потому что у всех по восемь.

Облетают, как струпов сев,
Мифы ржавые, мифы шатки.
Был ничем, становлюсь всем,
Ни пред кем не ломаю шапки.
Мир зависел не от меня.
Будет мир от меня зависеть:
Я надежда его и броня,
Все глубины его и выси.

Станет шар земной в окоем,
Как медаль с моим вечным ликом.
Я велик был в рабстве своем,
Становлюсь в свободе великим.

1955

ПАРТИИ

На всех языках всех земных народов,
Бушующая как всемирный океан,
Гремит неумолимо год от года
Твой лозунг «Пролетарии всех стран...»,
Как ураган, дыхание миллионов —
Уже не страны, а материка
Твой гимн «Вставай, проклятьем
заклейменный...»

Поют до заключительной строки.
Истории решающая сила,
Потемки лет бесстрашно осветив,
Ты миллионы душ в боях сплотила
И повела по верному пути.
Я знаю, как, юны и неречисты,
Где пули пели, а не соловьи,
«Прошу считать отныне коммунистом...» —
Писали кровью сверстники мои.
Им так и не вручили партбилетов
Партийные собрания полков,
Но если б не они, то вся планета
Согнулась бы под тяжестью оков.
Уже стучит о ребра двух Америк
Марксизма побеждающая страсть,
Все больше мира старого потери,
Все меньше в мире капитала власть.

Ни тюрьмы не спасут ее, ни пули,
Солдатам Маркса в мире нет числа,
Какие б силы в битвах их ни гнули —
Бессмертны их идеи и дела.

1956

С детства я запомнил это имя,
Чуть прищурясь, голову склоня,
Он глазами отыскал своими
Со страницы букваря меня,
Маленького рыжего мальчишку...
Я тогда одно лишь мог понять,
Что недаром, открывая книжку:
— Это — Ленин,— мне сказала мать. —
Ленин умер,— мне она сказала...
Так впервые услышал о нем
Я тогда, когда его не стало...
И уже не забывал о том.
Много видел я в пути за годы,
Время помогало понимать,
В радостях народа и невзгодах,
Почему так говорила мать.
Вглядываясь нынче, как впервые,
В жизнь отчизны и ее мечты,
Вижу я прекрасные, живые
Ленинские вечные черты.
Всюду он,— в размахе новых строек,
В слове партии и в правде дня...
Через год мой сын букварь откроет,
Будет он счастливее меня.

1956

За срубом стертого порога
Чудес и сказок не найдешь.
Дымится молнией дорога,
Бродячей рощей плещет дождь.

В цветах глазастых и рогатых,
в грозе лугов и трав кипит,
Струится пар голубоватый
Рождений, праздников и битв...

1957

Снежок неторопливый, пристальный,
В снегу деревья, как в цвету,
Дымы уходят волокнистые
Прямолинейно в высоту.

Дома прикрыты, словно книгами
Раскрытыми, белы снега,
Лишь, как костры, горят за ригами
Соломы золотой стога.

И запах смол в лесу стеклярусном
В неведомую даль влечет,
И ель фрегатом многопарусным
Торжественно в снегах плывет.

1958

Мне этот город с кирками, костелами
Собой ракетодром напоминал,
Он странные рассказывал истории
И смутные догадки подтверждал.
Как снег из неразгаданного прошлого,
В неведомой для разума дали
На Землю из иных миров заброшены,
Стояли храмы, словно корабли.
Сейчас они начнутся, встречи первые
С землею человека на Земле,
Пути назад отрезаны, и верные
Товарищи молчат в зазвездной мгле.
Встают моря, ревущие, зеленые,
Планета холодна и горяча,
С секретами, с загадками, с законами,
Не разрубить которые сплеча.
Чтоб жить на ней, родиться надо заново,
В крови и муках сгинь и вновь родись,
Все потеряй. Земля, планета странная,
Все отобрав, оставит только жизнь.
Она в дугу здесь гнула их. Заставила
Одеться в шкуры, и в какой-то час,
Когда решила вдруг, что переплавилась,
Она сама на милость им сдалась.

Все начали с азов владельцы разума,
Костер открыли, собрались в стада,
И все, что было им на ней отказано,
Бесстрашно возродили в час труда.

1958

Взрели дюзы частыми громами —
И на столбе ревущего огня
Ракета встала перед облаками,
На миг покой неподвижности храня.

Земля с ее лесами, небесами,
С костром в полях, с былинкой ковыля —
Все позади осталось, за бортами
Направленного в космос корабля.

Земного притяжения вериги
Навек оторвались с земных плечей,
А люди пили чай, читали книги,
Варили сталь и нянчили детей.

Они свои не бросили занятия —
Обычные, знакомые дела, —
Они потом не бросились в объятия,
Когда ракета на Луну пришла.

А может быть, что в этом их и сила:
Им все дела обычны и важны,
Как то, что в этот час происходило
В пространстве от Земли и до Луны.

1959

Требуется сказка для детей
В возрасте не младше сорока,
Для пронесших бремя всех страстей
На сердце своем наверняка!
Нет у них ни счастья, ни тепла,
Все, что было,— было для людей.
А у них опять же — ни кола...
Требуется сказка для детей!
Все, как в сказке, делать им пришлось,
Город за ночь строить, как родить,
Брать жар-птицу на лету за хвост,
Огнедышащую гидру бить.
А у них опять же — ни двора...
Да не в этом, впрочем, суть сама!
Эта песенка для них стара,
Не нужны им были терема.

1960

ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТЬЯ ЯМЩИКИ

Посвящаю ленинградским таксистам

Двадцатого столетья ямщики
Как таковые в песнях не воспеты,
Обиты лентой в шашку облучки,
Кареты серебристы, как кометы.
Им безраздельно отданы во власть
Нарядами таксомоторных парков,—
Храпят полсотни лошадей, ярясь,
Дыша бензином и простором жарким.
И Охта любит быструю езду,
Она садится и на всю пятерку
Летит, как будто в космос, на звезду,
Покачиваясь на рессорах гордо.
С супругой в гости к теще раз в году,
И на вокзал — в далекую дорогу.
Ей говорит ямщик: «Не подведу!»
И верно, гонит, гонит, слава богу.
Звенит и рвется воздух на куски,
Свистят по камню шины, как подковы.
Двадцатого столетья ямщики,
Общительные парни, острословы.
Вам скучно белой ночью в тишине
Одним в машинах с огоньком зеленым —
Куда на Петроградской стороне
Спешить сейчас туристам и влюбленным?
Закрываются рестораны и кино,
Окончены концерты и спектакли,

А белой ночи светлое вино
Звенит в крови, хмелит себе по капле.
И, на баранку руки положив,
Без пассажиров по проспектам лета
Они неспешно едут под мотив
Заполненного музыкой рассвета.

1960

До конька украшенный резьбой,
Крытый охрой пламенной и спелой,
Дом стоял у речки сам собой,
В ней красуясь под березой белой.

А над ним в лазури голубой
Все вращался на жерди сосновой
Петушок, как в сказке золотой,
Хвост трубою в кузнице откован.

Сколько лет прошло над ним и бед,
Дом устал, слиняли краски, как в картине,
В нем давно уже хозяев нет,
И на снос он предназначен ныне.

С жердочки свалился петушок,
Покосились кружева вдоль крыши,
Лебеди взобрались на конек,
И стоит он тихой речки тише.

1960

Дымная качается река,
В белые закована граниты,
В ней одна заветная строка,
Кровь и боль, что были здесь забыты.
Нет ни трав, ни глины, ни песка,
Ни воды, ни звука, ни дыханья.
Синий мрак и зыбкая тоска,
Есть лишь дым и света колыханье.

1961

Муку надо же такую:
Все о чем-то вспоминаю,
Все ищу и все тоскую,
А о чем сказать — не знаю.

Все не те слова и строки,
Не о том печаль и радость,
Ближних дней и дней далеких
Память мучу — нету ладу.

Вроде было очень много
Встреч, прощаний, расставаний,
А молю, за-ради бога,
Об одном хотя свиданье.

С той невыдуманной, ясной,
Душу захватившей круто,
С жаркой, истинно прекрасной,
Озарившей ночь минутой.

Чтоб потом кому-то, где-то
Люди в трудный час сказали:
Повтори-ка снова это —
И минуту помолчали.

1961

Мы не пытались в жизни окопаться,
Нас мало уцелело под огнем,
Мы думали немного отдышаться,
Но вот уже опять гремит подъем.

Выходим мы в последнюю атаку,
Как в сорок первом вышли в первый раз
По грозному пылающему знаку.
И мой сегодня наступает час.

Собраться надо, чтобы встать, подняться,
И не крича ни «здравствуй», ни «прости»...
Пушкой совсем не так, как в восемнадцать,
Но надо встать, подняться и пойти...

1961

Там, где из вороненой стали
Летит по берегу шоссе,
Там сосны бронзовые встали
У синя моря на косе
У синя моря с кромкой белой,
С пустынной далью золотой,
Где чайка солнца круг задела
Серебряною запятой,—
Три дерева, как три солдата,
Как три зеленые поста,
Там держат в сучьях узловатых
Просторы неба и ветра.

1961

Я много раз в пути встречал рассветы,
Еще темно и сыро у земли,
Но в высоте, сияньем дня задемы,
Вершины сосен небо подожгли.
Еще звезда летит, не потухая,
Пушинкой одуванчика на нем,
Но облака — поляна золотая,
Полна живым трепещущим огнем.
И пусть с высот нисходит день на травы
От облака, от опаленных крест,
Все тонет в нем, за то имея право,
Иначе б днем не назывался он.

1962

Люди веруют в поезда,
Люди веруют в города,
Люди веруют в реки серые,
В море синее и в суда.
Люди едут, летят, плывут,
Их все время дали зовут,
Люди счастья на свете ждут —
До ста лет на земле живут...
Поезда грохочут во мгле,
Города шумят на земле,
Горы синие, ветры сильные,
На кострищах угли в золе.
По морям плывут корабли,
Люди в воздухе — короли.
Не хватает людям земли,
Люди в космос уже вошли.
А земля, как бубен, кругла,
А моря, как небо, пусты,
И от города до села
Дальше, чем до ближней звезды.
Бездна черная на пути,
Ни кола на ней ни двора,
А они говорят — летим,
А они говорят — пора!
Люди думают: есть звезда.

1963

Хвала не взлетевшим ракетам,
Я их не хую, а хвалю.
Успех им как небо неведом,
Но я их за то и люблю.

Бессонные ночи до света,
Внушительный счет неудач,
Хвала невзлетевшим, отпетым,
Совсем неудачным, хоть плачь.

Без них бы иных не бывало,
И линии верной вовек
Нам не начертало лекало,
И к звездам не взмыл человек.

Все правильно, правильно это,
Но я их люблю не за то,—
Хвала не взлетевшим ракетам,
О них не узнает никто.

1965

Птаха малая песней заветной
Золотой осеняет зенит.
День над полем, над лесом, над летом
Знойным маревом в небе звенит.
Рожь невиданной встала стеною,
Васильками цветет тишина,
Почему же, как боль, с тишиною
Вдруг приходит команда одна.
Это не по уставу. Уставы
Не имеют команды такой,
Это право последнее правды,
Что навек остается с тобой.
В час, когда уже нечем сражаться,
Эту землю с рожденья любя,
Есть возможность сказать по-солдатски:
— Вызываю огонь на себя! —
Попросить. И, как будто бы маршал
Громовой отпечатал приказ,
Все стволы артиллерии нашей
Повернут и ударят тотчас,
Без пристрелки ударят картечью
И фугасами, словно в кино,
И сметут обступившую нечисть,
И зарюют тебя заодно.

После вырастут буйные травы,
Люди рожью укроют тебя
И забудут последнюю правду.
— Вызываю огонь на себя!

1965

Леса уходят. Жалко мне леса.
Уходят ели, сосны и березы,
Рябины гасят пламенные гроздья,
Осинников смолкают голоса.
Когда-то жили в тех лесах дубы,
И ясени, и золотые клены,
Куда им деться от такой судьбы —
Лес вырубают, океан зеленый.
Я был в Европе, там леса хранят,
Стоят, пронумерованны, деревья,
И ни соринки на земле, и в ряд
Приглаженные тянутся коренья.
Леса хранят. Но это не леса.
Не свищут птицы в них, не плещет ветер,
В стеклянных загородках чудеса,
А не одно большое чудо света.
Асфальтовые тропки и бетон,
Рай для туристов атомного века.
А здесь еще плывут плоты по рекам
И слышен в даях Китеж-града звон.
И может, можно сохранить леса,
А не деревьев ценные породы?
Леса поют и плачут, как народы,
На все свои живые голоса.

1965

У леса голубого на опушке,
Где улица пустынна и грустна,
В поселке дачном в маленькой избушке
Была ты ни хозяйка, ни жена.
Трещали в печке хвойные поленья,
Шипел не умолкая самовар,
И розовые, полные колени
Спокойно обвивал веселый жар.
Но было счастье, только не в мужчине,
Нет, не в его сжигающем тепле,
А в золотой наколотой лучине
И там в окне, в морозном хрустале.

1966

Меняется движение светил,
И предстает в ином и новом свете
Во что ты верил, то, что ты любил,
Что видел ты и что ты не заметил.

Осталось измениться самому,
Но я довольно древнее явление
Из глины той, что в пламенном дыму
И жгли, и мяли светопреставленья.

Наотмашь тьма и пламя наотрез,
Трещала атмосфера от давления,
Не мало разных испытал чудес —
От гибели до чуда воскрешения...

1966

Земля землей, не мелковата,
Двадцатый век. Двадцатый год
Я, позабыв, что был солдатом,
Хожу по ней не без забот.
За тридевять земель от дома
Февраль меня встречал жарой,
Банановым аэродромом
И пальмами в тиши ночной.
А по бокам летящей трассы,
Спросил я,— что такое там?
И мне сказали: ананасы,
И я глазам не верил сам.
Как: ананасы, как крапива
У нас в России, вдоль дорог?
— Крапива? Что это за диво? —
А что я им ответить мог...

1966

ХА ЛОНГ

Всю землю ночь опустошила.
Гляжу — нет ничего в окне,
Залива черные чернила
Да звуки в тишине.
Да запахи цветов и моря.
Залив Ха Лонг.
Слова звучат, как гонг.
Я лампу потушил и поднял штору
И говорю: — Ха Лонг, ты здесь,
Ха Лонг? —
На краешке материка на самом,
Вдаль руку протяну — и нет там
Европы с Азией, за белой рамой,
А есть Ха Лонг —
Вступление к морям.
Есть лишь Ха Лонг,
Неведомого знак он.
Невиданного символ и печать.
Я ничего не вижу, но, однако,
Он здесь — рукой подать —
Ха Лонг...

1966

Не носят давно награды,
Забыли свои чины
Последние в мире солдаты
Отечественной войны.
Отечественной, справедливой...
Вовек не будет иной
На весь этот несчастливый
Единственный шар земной.
Исчислен, взвешен, измерен,
Быть может, накрыт с головой
Он, как последний берег,
Атомною волной.
Ни дна тебе ни покрывки,
Ни мира тебе ни войны,
Только сияние вспышки,
Грохочущей до луны...
Только промельк ракетный...
Но сладко поет, как во сне,
На березовой ветке
Пеночка в тишине.
Где-то за дальним лесом
Ворочается аэродром,
И стрекоза, как «мессер»,
Пляшет над поплавком.

В хрустальный полдень покоя,
Тревожа самим собой,
Входит мир, беспокоя,
Неясной еще судьбой.

1966

Как древний Рим во время оно,
А может быть, поверх времен
В бетонной чаше стадиона
Ревет и плачет стадион.

Молчит. Грохочет, свирепея,
Свистки вонзает в небеса,
Сто тысяч легких не жалея,
Возносит к небу голоса.

Живучий, яростнее вече,
Вздыхает он, смеется он.
Какие мысли там и речи?
Он только чувством наделен.

1967

Та глина, из которой нас лепили,
Вся заскорузла. Времени ветра
Ее лупили и огнем палили,
На ней следы мороза и костра.
Но есть на ней не то что благодати —
Запечатленный до скончанья лет,
Как родинка, среди борозд и вмятин,—
На ней цветка неразличимый след.

1967

КОСТРЫ

Костры на площади Дворцовой
Плясали у разбитых рам,
Был Зимний ими атакован
И отдан настежь всем ветрам.
Как пламя среди темных статуй,
Летел над крышей алый стяг,
И в царских спальнях и палатах
Гремел красногвардейский шаг.
Перебивая запах боя,
В них плыл махорочный дымок,
Рассвет вздымался над Невой,
И целый мир заснуть не мог,
Когда отцы, достав кисеты,
Еще от боя горячи,
Среди картин, зеркал, паркета
Уже подумали в ночи,
Какую жизнь на белом свете
Они построят навсегда,
И позавидовали детям,
Взглянув в грядущие года...
Мы мерзли в топях подо Мгою,
Мы в сорок пятом, взяв Берлин,
Огни салюта над Москвою
До звездных подняли вершин.
На реках возвели плотины,
Мы встали, в космос путь торя...

Но с каждой новой годовщиной
В великий праздник Октября
Мы не скрываем восхищенья,
Завидуя отцам своим,
Их подвигу и их прозреньям
В ту ночь под небом грозовым.

1967

С утра в субботу электрички
Полным-полны, как поезд в ад.
Там анекдоты, шутки, стычки
И песни новые звучат.

А я, больной и бородатый,
В последний втиснутый вагон,
Качу, соседями зажатый,
За оснеженный горизонт.

Там, словно в старых добрых сказках,
Творятся всюду чудеса,
Там мир на лыжах и салазках
Впал в детство и ушел в леса.

1968

...Не тяготит застольный разговор,
Щекочет нервы праздная беседа,
В ней мы, как боги, гордо смотрим с гор
На все, что там, внизу, в долине бреда...

Теперь легко историю трясти,
Тасуя годы, словно карт колоду,
И мелочь фактов встряхивать в горсти,
Глядеться в них, как будто смотрят в воду...

1969

Не хочу я участвовать в той кутерьме,
В той, где каждый себе на уме.
Не хочу я выслушивать новости те,
Что сорока несет на хвосте.
Возвращаюсь душой в те святые года,
В те, где «нет» было «нет», и где «да» было
«да».
(Пусть уж лучше заботы о хлебе своем
Заполняют и ум и дела.)

1969

Ходят по свету страсти-мордасти,
По знакомству заходят в дом,
Говорят незнакомым «Здрaсте»
И усаживают за столом.
Говорят они: — Вы слышали?
Вы подумайте, говорят... —
Ходят страсти, как со стихами,
Ходят, сами себя даря.
Только люди на эти страсти
Ноль внимания, презренья фунт,—
Столько пропасти и напасти
Повидали они, что страсти
Для людей как будто фу.
Люди пьют чай, балагурят,
Друга хлопают по плечам,
Строят куры и шуры-муры
И спокойно спят по ночам.
Людям нравятся шуры-муры,
На мордасти им наплевать;
Люди веселы, а не хмуры,
Стали губы у них не дуры,
И на пушку их не поймать.

1969

Милый север, край лесной,
Над тобою, не сгорая,
Зори красные стеной
Без конца стоят, играя,
Опясав круг земной.

Круг любви, тревог, забот,
Вспоминаний и мечтаний,
Белых, синих, юных вод,
Далей, праздников, высот,
Расставаний и свиданий...

1969

Бывает — белый свет
покажется с овчинку,
Сойдется клином свет:
куда ни кинь — все клин.
Мир тесен, говорят,
но не для лет и весен,—
Мир тесен для врагов —
огромен для друзей.
Кричим: «Здорово, брат!» —
и глину мира месим,
И ждем без лишних слов
вестей и новостей.

1970

Живем на свете, как радары,
И, в одиночестве своем,
Ждем неизвестные удары
И сами вдаль удары шлем.
Ждем счастья, вздрагиваем чутко,
Спешим на службу, кофе пьем,
С друзьями шутим и как будто
В заботах ничего не ждем.
Нас лишь вселенная волнует,
События в масштабах стран.
И не грустим, и не ревнуем,
Исправно выполняем план.
Но поворот плеча случайный,
Чуть вздрогнувший далекий взгляд,
И день встает высокой тайной
И цепью далей и преград.
Привычный ход времен нарушен,
Лишь этот миг ждала она —
Душа! Спасите наши души!
Повсюду душ идет война.
В ней день вчерашний встанет странен
И непонятен новый день.
И вспомнишь: сам кого-то ранил,
Случайно, походя задел.

1970

Нас нет на свете. Мы трава и лес,
Свист пеночки и звон лозы в кювете,
Волны речной мгновенный вольный плеск
И бьющий в лица на дорогах ветер.
Нас вырубил металл, огонь спалил,
Четыре года, вечности четыре,
В пыль разносил грохочущий тротил,
И нас давно уж нет в подлунном мире.
За нас живут и любят, всё за нас:
Внимают слову, произносят речи,
И ловят дождь в ладони в ранний час,
И женщин будят молча на рассвете...

1970

Ничему не научился,
А прошел войну, года,
Белый свет когда мутился,
Словно в трещинах слюда.

Дальше были повороты,
Открывался день, как век.
Говорят, что для полета
Создан небом человек.

У друзей менялись лица,
Ходуном ходила спесь —
Мог бы и перемениться,
Но иду такой, как есть,

Ни о чем не сожалею,
А ведь мог бы — сожалеть,
Стать умнее, жестче, злее,
Высоко наверх взлететь.

А куда лететь, куда там?!
Мир, не сказку о добре,
Подарили мне, солдату,
В сорок пятом на заре.

Мир — такой, могло какого
Очень запросто не быть,
За него сгорел под Псковом
Полк, меня учивший жить.

1970

Остается небольшая малость:
Жизнь дожить без лишней суеты,—
Так, как в дни, когда она касалась
Ежечасно бешеной черты
И могла сгореть в одно мгновенье,
Может, тыщу раз на каждом дню...
Не пугаться, не искать спасенья,
Не питать надежду на броню...

1970

Во мне по ночам просыпается страх,
Брюхатый, жилистый, черный как деготь.
В сутане, сжигающий мир на кострах,
В погонах и кителе: «Ты против бога?»
И блещет в руке у него пистолет,
А может, мушкет, а быть может, секира.
Но я-то давно уже знаю, что нет,
Нет бога, хотя мне и днем не до жиру.
А быть бы, как сказано, живу и днем.
А страх, он понятен, и я не фанатик,
Так с богом ли, с чертом ли, днем ли с огнем,
Во имя спасения, может, поладим?
А может быть, сам он боится меня,
Что мы не поладим? И вот из пещеры,
Поднявшись на лапы, в сиянии дня
Идет он, глазищи уставив, как жерла.
Он чувствует, видно, что я человек.
А я по ночам еще все забываю,
Что мною был начат, как песня, мой век,
Когда я поднялся, людей созывая,
Таких же, как сам я, всех стран и всех рас,
Что, солнце схватив, я поднял на ладони,
И звезды на шлемах в сиянии глаз
Несли на полсвета в дыму мои кони.

1970

Есть день. Он дан мне словно край.
Я в нем хозяин, пахарь, мастер.
Потерянный и обретенный рай —
Все в нем, и нет иного счастья.

Светила пламенного лик,
Высоких трав благоуханье.
Что мудрость всех великих книг
Перед страницей мироздания?..

1970

Мир, что остался позади, пожалуй,
 Весь можно обозреть и без труда,
 А что там, за последним перевалом,
 Что впереди,— не скажешь никогда.

Какие там тревоги и затишья,
 Беда и радость, други и враги,
 Прислушаешься — ничего не слышно.
 Вглядишься — тоже не видать ни зги.

Где там твоя последняя отметка...
 И может, хорошо, что это так:
 Идешь туда один и не в разведку,
 А навсегда, и твой он, каждый шаг.

1970

На улицах Праги старинной,
У сосен стеклянного Лахти
Я время просил — отвори мне!
Его заклинал я — оставьте!
Но жил во мне, всюду вставая,
Глядя со своей колокольни,
От Чехии и до Китая
Мой опыт с упрямством и болью.
И в ливнях стекла и бетона,
И в замках замшелых прекрасно,
Повсюду я был Робинзоном,
Но не соглаadataем праздным.

1970

Есть у сосен зеленых,
На безветрье с утра,
Неподвижность бизонов
Или всплески костра.
Или молний зеленых,
Вдруг застывших в тиши,
Есть неожиданность, бездонность,
Пища есть для души.
Неподвижности этой,
Обступившей вокруг,
Как явление ракеты,
Обгоняющей звук.
Длится, и непонятно,
Сколько будет огня,
Светом золотит пятна,
Тишь вокруг, как стена,
Не шелохнутся иглы,
И застыла трава,
Будто светом воздвигли
Тишины острова.

1972

Дождик льет, собака лает,
Кот на крыше загорает,
В огороде мак цветет,
Ест медведь в саду малину,
Рыбы плавают в пруду.
Пруд замерз наполовину,—
На одном конце, на льду
На коньках идет катанье,
В теплых шубах детвора,
На другом вовсю купанье,
Золотой песок, жара...
Это все рукой отважной
В полчаса сотворено
На одном листе бумажном
И к стене приклеено!

1972

В ЭТОТ ДЕНЬ

С того рассвета в глубине России,
Где женщины одни и тишина,
Когда бежали, в окна голосили,
Стучали в двери: «Кончилась война!»,
Вставало солнце под Берлином где-то,
Солдаты обнимались, все в слезах,
Стреляли в небо, салютуя свету,
Деревьям, травам и лугам в цветах,—
Не вспоминаю, а запоминаю,
Глаза на миг не отводя, гляжу,
Какой он, этот день Девятого мая,
Я до конца о нем не расскажу.
Как города принарядились к маю,
Которые мы брали на войне,
На Висле и на голубом Дунае
Сверкают этажами в вышине.
В Софии, в Праге или в Будапеште
На улицах знамена и сирень,
А если даже и не в мае вешнем,
Он все равно там длится, этот день.
Он всюду на путях земного круга,
Не перечислить всех его примет.
Он женщины улыбка, руки друга,
Рождение ребенка, смена лет.

Попробуй рассказать о нем словами,
Глазами увидеть его зенит —
Он колосится рожью, льет дождями,
Метет метелью, радугой звенит!

1973

Все чаще, с грустной завистью, все чаще
Я вспоминаю дальние года,
И о себе самом, как о пропащем,
Я думать начинаю иногда.

От запада до желтого востока
Пути мои легли по облакам,
Встречал я именитых и высоких
И на трибунах возвышался сам.

Фамилия моя нет-нет да где-то
Мелькнет в газетах. И печалюсь я,
Что мало денег для семьи на лето,
Что дача далеко и не своя.

Что вот идут события мировые
Не так, как надо. Что тревожен свет.
Что я в докладе числюсь «и другие»,
Что слишком зол завистливый сосед.

А в тех годах, в тех далях, о которых
Давно молчу,— там все наоборот.
О бабах на привале разговоры,
Но за Россию в бой уходит взвод.

Там все дороги и ветра свирепы,
Богатство — пара сменного белья,
Осьмушка табаку да пайка хлеба...
А что еще? А там еще друзья.

1973

Ноги в руки, ветер в спину,
Как хотели и могли,
С Макаенком по Пекину
Мы однажды ночью шли.

Пусто в городе Пекине,
Все дома темным-темны,
Только звезды в небе синем
Над Пекином зажжены.

Два китайские солдата
Повстречались нам впотьмах,
Два знакомых автомата
Дулом книзу на ремнях.

Ни машин, ни пешеходов,
Ни китайских фонарей,
Молчаливо спят у входов
Морды каменных зверей.

В магазине на витрине
Только лозунги видны.
Пусто в городе Пекине,
Но у каменной стены...

Два китайские солдата
Повстречались нам впотьмах,
Два знакомых автомата
Дулом книзу на ремнях.

Распахнулась, как пустыня,
Площадь главная вдали.
Так на площадь Тяньаньмыня
С Макаенком мы взошли.

Два китайские солдата
Повстречались нам впотьмах,
Два знакомых автомата
Дулом книзу на ремнях.

И тогда на Тяньаньмыне
Он сказал, как дипломат:
— Пусто в городе Пекине,
Все давно в Пекине спят...

Два китайские солдата
Провожали нас впотьмах,
Два знакомых автомата
Дулом книзу на ремнях.

1973

ПАМЯТНИК ТАНКИСТАМ В МУКДЕНЕ

Видел я в Мукдене
Камень в сто пудов,
На его ступенях
Никаких цветов,

Камешку в Мукдене
Двадцать пять годов.

Где «тридцатьчетверка»,
Что через Хинган
Вел святой и гордый
Юный лейтенант?

Как его встречала
Азия! В ответ
Жизни обещала
Двести тысяч лет.

Камешку в Мукдене
Двадцать пять годов.

На его ступенях
Никаких цветов.

В городе Мукдене
Камень в сто пудов.

1973

В ШАНХАЕ

Узкие, как лезвия,
Черные глаза.
Что печально-трезво
Хочешь ты сказать,
Азия?
И разве я
Не могу понять?
Или надо, Азия,
На себя пенять?

Я стою, внимательный,
В городе Шанхае,
Я гляжу старательно,
Как небо полыхает,
Катит воды желтые
Хуамну-река,
Говорит: пошел ты,
Ну тебя в века.

Тысячи империй
Кануло во тьму,
Словно этот берег
В розовом дыму.
Где паруса над джонками,
От заплат пестры,

Плещутся, как желтые
Древние костры.

Там дома бетонные
Импайр Билдинг Стейт.
Тысячеоконные,
Как в копытах степь.
Каждый след, как лужицы
Над кострами тают...
Набираюсь мужества,
На себя пеняю...

1973

Христос распят, но жив Иуда,
И всходят над землей кресты.
На свете будет жить Иуда,
Покуда будут жить христы.

И молоток стучит со злостью,
Ища Христа среди людей:
Ведь надо же в кого-то гвозди
Вбивать, когда полно гвоздей.

Стучит старательно Иуда,
Летит серебряник на стол.
Ах, если бы случилось чудо
И все-таки Христос пришел...

Пришел не так, как приходили
Все возвращенные с креста,
А в здоровой памяти и силе —
Ко всем, в ком совесть не чиста.

1973

Все будет, только нас не будет,
Не будет нас наверняка.
Пусть нас потомки не осудят,
Как мы не судим те века,
Что на земле без нас сменялись.
Творя историю земли,
Без сожаленья и печали
Себя они в себе сожгли,
Идет борьба со мглою света,
И, оставляя шар векам,
Жизнь, словно пламя, над планетой
Бушует по материкам.
Сменяются одежды, лица,
Державы, страсти, голоса,
И с ним куда-то мир стремится,
Захлестывая небеса.
И мы, как искры, в этом грозном,
Ревущем пламени летим,
К потомкам, к будущему, к звездам,
И наш полет необратим.

1973

РАССВЕТ

А когда на землю пал туман,
Показалось, что ее не стало,
И вокруг простерся океан
Без конца совсем и без начала.

Канули не только что леса,
Все долины и холмы и хаты,
Даже небеса — и небеса
Канули, бесследные, куда-то.

Тишина дремучая легла,
Стало все, как в первый день творенья.
Первобытная седая мгла,
Дымное смешенье света с тенью.

И лишь только через два часа
Волны заструились, засветились,
Отдышалась твердь, и небеса
Синие от тверди отделились.

А потом поднялись холмы,
Расступились сосны по ранжиру,
И к утру из первозданной тьмы
Совершилось сотворенье мира.

1973

И черная случается весна.
Ни в небе нет, ни на земле нет света.
Черна земля, и туч гряда темна,
Черны деревьев голые скелеты,

На реках синий грязноватый лед.
Туман просторы мгlistые заносит,
И дождик серый целый день сечет,
Как будто это не весна, а осень.

Но снег в полях быстрее день ото дня
Пора такая запросто съедает.
Земля в грязи и жиже, как квашня,—
Вздывается, восходит, набухает.

В лесу, в оврагах, в поле, на земле —
Повсюду что-то новое творится.
Как только солнце выглянет во мгле,—
Весь мир мгновенно с ним преобразится.

И никаких на нем следов зимы:
Он весь прозрачен — голубой и рыжий,
Вот — солнце в луже, в золоте холмы,
И с черных пашен свет до неба брызжет.

1973

Появились на дорогах вепри,
Грозы шли и падали трескуче.
Дули ветры. Задували ветры,
И сшибались, словно кони, тучи.
Лето было полное знамений,
Но никто не замечал их просто,
И никто не думал, что за тени
Поднимались от земли под звезды.
Просто в суете и суматохе,
Вовсе оторвавшись от природы,
Все валили чохом на эпоху,
Думали — и тут она подводит.
Но валились с корнем наземь сосны,
Мачтовые сосны-исполины.
Ни с того и ни с сего в покосы
Реки выходили на равнину.
Радуги, как будто полотенца,
Полоскались над любой крышей.
Май такие выдавал коленца
С перепадами от грома к тиши,
Что хватались люди за газеты,
По привычке думая, что эта
Связана с политикой примета.
И спокойно дрыхли до рассвета.
Но к бензоколонкам и киоскам
Выходили вепри, словно к кочкам.

Падали, срываясь, в полночь звезды,
Петухи кричали неурочно.
Лето было полное знамений,
Непрочитанных и странных очень...
А для всех лишь — недоразумений
С отпусками, с дачами и прочим...

1974

НА РЫБАЛКЕ

И хотя на самом деле
Нет давным-давно калик,
Да и был он,— на неделю
В лес сбежавший отпускник.
Появился он лохматый,
Словно некий дух лесной,
В бороде его лопатой
Льдинки стыли сединой,
Горсть комариков поющих,
Дым вчерашнего костра.
Появился леший сущий,
Но желающий добра.
Любопытства полон к людям,
Сел поближе на пенек.
Никаких при нем орудий,
Только тощий рюкзачок.
Кто такой,— мы не спросили,
Пил из кружки чай пустой
И глядел такую синью
Непроглядную густой,
Что придвинулся, похоже,
Век былинный, древний век,
Где каликой переходим
Был он, этот человек...

1973

СНЕГ

Снега ждут,
Ждут, как солнца скупого
Поморы,
Косогоры, поляны,
Просторы и горы.

Ждут зимой, в декабре,
На заре.
В полночь, днем и под утро,
Как мечту о добре,
Сотворенную мудро.

Ждут, звеня, провода,
Провисая в дождинках
натурно,
Голося в города:
Снега нужно!

Снега ждут. Не тепла
И не манны небесной,
Терпеливо, без зла —
Переправы, леса, перелески.

Ждут ненастья, как счастья,
Промокшие корни травы,
голубицы,

Ждут озимые,
Чтобы укрыться.

Ждут морозного снега,
Чтоб шел он, как лебеди-гуси,
Белый, мягкий, пушистый,
Над Русью.

Шел над всею Россиею, сея,
Завивая, кружась,
Утешающий села
Север.

1974

ДЕДУ МОРОЗУ

Я верю тем, кто в ночь под Новый год
Уснул в кроватках, зная непременно,
Что к ним наутро Дед Мороз придет
Без опоздания с новою Вселенной.

Ты, Дед Мороз, с трудом вообразим.
Я не скажу, что нет тебя! Еще бы!
Но ты из тех кустодиевских зим,
Где тройки с бубенцами и сугробы.

Метро с ветрами банного тепла
Выносит толпы на проспектах людных.
Среди асфальта, камня и стекла
И в зиму в декабре поверить трудно.

Бюро погоды сказочен прогноз.
Но ни на что погода не похожа.
Где вьюга, где обещанный мороз?
Все время слякоть, гололед. И все же

Придешь ты — в шубе, в звездах борода,
Картошкой нос, глаза в соломе света —
В грохочущие громом города
И в тихие лесные сельсоветы.

1974

ЗАПЕЛИ САНИ.

За высокими лесами,
В стороне от автострад,
Слышите — запели сани,
Снег полозьями примят.
Снег свистит, поет, хохочет,
На снегу сверчат сверчки,
Брызжут в небо вдоль обочин
Голубые васильки.
Жаром улица искрится,
На домах стоят дымы...
Хорошо бы закатиться
В царство матушки-зимы!

1974

Замечаю, происходит что-то,
Облик изменили облака,
Птицы задержались с перелетом,
Вскрылась ото льда зимой река.

Где-то, говорят, летит комета,
За Полярным кругом, говорят,
Необыкновенно жарко летом,
А на юге хлещет снегопад.

Не вступаю в споры, разговоры,
С тишиной как с азбукой дружа,
Стал невыносимо дешев порох,
А насыщенный хлеб подорожал.

1974

ГАРСИА ЛОРКА

Художнику Андрею Мыльникову

Он убит и зарыт
При дороге в Гранаду.
Там и крест не стоит,
Да и, может, не надо.
Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.
Неизвестно деревни название,
Нет холма, где лежит его тело.
Говорят, что в Испании,
Говорят, что в Испании
Было
Совершено это дело.
Даже имя давно
Там на родине всеми забыто,
И молчит она. Но
И молчит, потому что убит он.
Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.

Не отринув позора,
Бежит ручеек безъязыко,
Поднимаются горы
В молчанье великом.
И беззвучно гитары
Бренчат в кабачках до рассвета.
Не обходится даром,
Никому не обходится даром
Убийство поэта.

1974

Та землянка в волховских болотах,
Где я жил безбедно — не тужил,
Нынче стала болью тягостной,
Стоном всех моих суставов, жил.
Там, над ней, в ночи горят ракеты,
Трассы пуль свистящие летят,—
Где я сплю без задних ног, одетый,
Без забот и снов, как дети спят.
Плещется вода от взрывов тяжких
На полу, как в речке, подо мной:
«Значит, мимо... Пронесло... Промашка...
Это где-то по земле самой...»
Я же сплю и ничего не слышу.
Ничего не чувствую в метель,
Фронт землянку подо мной колышет,
Но не сильно, будто колыбель.
Сплю да сплю — и пушки не разбудят.
В три наката крепок потолок,
Но не в нем причина. Будь как будет:
Путь далек, грустить не вышел срок.
...Нюют руки, поясницу ломит.
Просыпаюсь в ледяном поту —
В мирном доме, в тихом теплом доме,
Позабыв давно землянку ту.

На бок поворачиваюсь с хрустом,
Курево во тьме ищу рукой.
Тяжело, и муторно, и грустно,
И тревожно в тишине такой.

1975

СЛАГАЯ ОБ АРМИИ ОДЫ

Слагая об армии оды,
Броню воспевая и сталь,
Я, словно в бинокль, через годы
Гляжу в легендарный февраль.
Что видится там сквозь походы,
Сквозь Брест в окруженье врагов,
Сквозь май сорок пятого года,
В котором на веки веков
На площади Красной колонны,
Великой Победы парад,
И вражеских армий знамена
К подножью трибуны летят.
Что там, за всемирною славой,
В далекой дали огневой,
За нынешней мощью державной
Ракетною и броневой.
А там, за метелью у Пскова,
Ни танков еще, ни ракет.
Винтовка в ладони багровой
И Ленина первый декрет.
Декрет о защите свободы.
Да в искрах мороза и льда
Впервые, как на небосводе,
На шлеме суконном звезда.

1975

Когда это будет, не знаю,
В краю белоногих берез
Победу Девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что было Девятого мая
С утра в сорок пятом году.

1975

Теряю вкус к подробностям хмельным
Воды и суши
И вглядываюсь пристальнее в дым,
В людские души.

Прекрасные мгновения ловлю —
И удивляюсь.
Все больше, больше этот мир люблю —
И в том не каюсь.

1975

День падает, и, словно колокольцы
Звенят капли, осыпаясь с крыш,
День падает куда-то за околицу,
В вечернюю пустеющую тишь.

Сейчас его пылающая кромка
Сверкнет огнем и скроется из глаз.
Встают стеною черною потемки
На синий и заледеневший наст.

Еще живут дневные звуки в воздухе,
Но и они уймутся. День погас.
День золотой, и голубой, и розовый,
Весенним светом озаривший нас.

1975

Как будто древних царств реликт,
В час эры атомной, машинной
Я услышал победный крик
Перед рассветом петушиный.
Еще не колыхнула тишь
Иглой сосновой и травинкой,
Росинки с невысоких крыш
Не обронила на малинник.
Весь мир еще и мглист, и сед.
И сумрак все глубок и прочен,
А он уже поет рассвет,
Не просто смену дня и ночи.
Ах, сколько связано в былом
Надежд и веры с этим кличем.
Крик петуха, и над селом
Он был не просто пеньем птичьим.
Один. Вослед другой за ним.
Светает. Ночь переломилась.
Еще восток неразличим,
Но что-то в небесах свершилось.
Я в них внимательно смотрю
И слушаю до удивленья
Предвосхищающих зарю
Давно не слышанное пенье.

После всегдашней чепухи
И сутолоки дня базарной
Поют нежданно петухи
Светающе и светозарно.

1975

Синь все небо уносит,
Солнце волны листает,
А у вас, видно, осень
В эти дни золотая,
Лист ложится багряный
На зеркальные лужи,
Набегают туманы,
Тучи ходят натужно.
Пспевают рябины,
Кисти как семафоры
Над асфальтом пустынным,
Убегающим в город...

1975

Мне нынче снится край родной ночью,
Воды большие светлы. И по ней
Я все плыву в веселье и в печали,
Как в дни далекой юности моей.
Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама.
В воде высокой тонет берег рыжий,
И странные там люди и дома.
Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет.
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет.
Там все не так и все не го, и все же
Над всем душа сжимается моя.
Тревожно и пронзительно похоже
Там все, что твердо знал и видел я.
И все плывет вода, и все струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль. Куда?
Старинные над ней восходят лица,
Как месяцы, как луны, как года.
Зеленые и вянущие травы,
Осенние березы и кусты
Недвижные, как будто бы неправда,
Среди равнины, словно у черты,

Где может все нежданно оборваться
От шороха, как будто от беды,
И сладко там, и страшно оставаться,
И сознавать мне этот сон воды...

1975

НА ШЕКСНЕ

Ю. Бондареву

Взъерошенная синяя река
Открылась вдруг с железного парома
Простором, уплывающим в века,
А не в леса, за кромку окоема.

Даль не сводила вместе берега
И даже не сближала перспективой.
И, словно бы гигантская дуга,
Река в нее входила всем разливом,

И горожанам, повидавшим свет,
Давно решившим, что он мал и тесен,
Почудилось, что края света нет
И не бывать, да он и неизвестен.

В просторе синем белый пароход
Как будто парус засверкал, и сразу
Подумалось, что с вольницей плывет,
Не ровен час, навстречу Стенька Разин.

И даже след дюралевой стрелы
Был в грозном небе след не самолета,
А след стрелы, запущенной из мглы,
Перуна в небе росчерк беззаботный.

1975

Я требую не многого,
Не многого хочу —
Планету за порогом,
Всю в солнце, как бахчу,—
В июле тишиной,
Всю белую зимою,
Всю черную весной;
Да может быть —травинку
С росинкой в желобке,
Травинку с паутинкой
Одну на сквозняке,—
Когда мой сын не старый,
Да и не молодой
Со мной прощаться станет,
Обросший бородой.

1975

Стерпится — слюбится, все позабудется,
Старая песня не так уж проста.
Строились с песенкой этою улицы,
Да и побольше места.

Крутится, вертится, все перемелется,
Белый, как сказано, свет,
Это давнишняя старая мельница,
Ну а другой-то и нет.

Нету другой и никак не предвидится,
Как ты умом ни раскинь,
Что там меж звездами может увидеться?
В громе безгласных пустынь?

Где там еще неподвижные движутся
Белая тропка во ржи,
В небе льняном журавлиная ижица
И на Онеге Кижии?

Разве без них на муку перемелются
Вместе любовь и вражда?
Крутится, вертится старая мельница,
Не устает никогда.

1975

Враг не может предать, как друг.
Видно, в гору пошла дорога,
Коль сужается дружбы круг,
А врагов остается много.
На вершинах я не бывал,
Мне они и сейчас не снятся,
Но встает впереди перевал,
Значит, надо мне подниматься.
По камням идти вперед,
Не искать дороги окольной,
Не вести пораженьям счет,
Не прислушиваться и к болям.
Там, где ступит на снег нога,
Реже воздух и чище дали,
Нет ни друга там, ни врага,
Только ветер на перевале.
Только ветер да высота,
На которой ни разу не был,
Да, наверное, маеха,
Что оттуда все дальше небо.

1975

За окнами белая стужа
И свет, что действительно бел,
Морозный, туманный и вьюжный,
Свет бел за окошком, как мел.

По крыши дома оснежены,
И белого леса стена,
И черная только ворона
Сидит на заборе одна.

Случайна, как черная клякса,
Но с нею белей белизна.
Смотрю и дивлюсь я, ах как с ней
Мир бел за проемом окна.

1 января 1976 г.

Все кончится. Уйдут пустые споры
И скорбь за рюмкой водки за миры,
Раздумий пресноводные озера
И женщин полуночные костры.
Останется лишь то, что ты однажды
Уже узнал, вися на волоске:
Неутоленная тоска и жажда
По небу и травинке на песке.

1976

СЕВЕР

Может, он счастья спокойнее,
Правды, быть может, добрей.
Над тишиною и войнами
Светит копорский кипрей.
Ширь даже грому не тесная,
Эху стократ рокотать,
И высота поднебесная —
Птице крылом не достать.
И чтобы не убаюкала,
Чтобы прожгла глубина —
Синяя капелька купола
На горизонте видна.
Радостей светлых и горестей,
Дней и ночей берега —
Севера древние прориси —
Озеро, лес и луга.

1976

Май приносит дым воспоминаний,
Вновь над миром светится звезда,
Ждут свободы, поднимают длани
И горят в Европе города.

Дует ветер — молодой, весенний,—
Гимнастерка на плечах дымна.
Молодость. Ни страха, ни сомнений,
Может, завтра кончится война.

И сиреню на шоссе — девчонка,
Юная, как младшая сестра,
Плачет и смеется у трехтонки,—
Все как будто было бы вчера.

Прошное мешая с настоящим,
Ты глядишь, как в зеркало, в года,
Да бывал ли ты когда-то счастлив —
Так, как был счастливым ты тогда?..

1976

Стал я стар не душой, не телом,
Но неведом покой душе,—
Дела главного я не сделал,
А пора уходить уже.

Остаются леса и доли,
Солнце в небе и города.
Светло-светлый мир и веселый,
Что вошел в меня навсегда.

1975

Я-то знаю наверно,
 Эта ночь неспроста,
 Снова, как в сорок первом,
 Вдруг страшна высота.
 Небо синее в небе,
 Звезд движенье в ночи,
 Все как будто бы небыль,
 Только ты помолчи.
 Помолчи и запомни:
 Это тот горевой,
 Этот свод, что заполнен —
 Глубиной, синевой,
 И забудь, как забыто
 Все, что было мельком,
 И крест-накрест забито,
 Как окно под коньком.
 И огнистой березы
 Ливень, грянувший ввысь,
 И неожиданные слезы,
 Что ручьем пролились.
 Где-то снова, как в поле,
 Кони, травы, костры.
 По какой доброй воле,
 До какой там поры,

Никому неизвестной,—
Никакой, никакой,
Сказкой, старую песней,
Непонятной строкой...

1976

Пал туман на море синее,
Горы скрыл и море скрыл,
Смыл сверкающие линии,
Растворил бесследно Крым.
И сижу и жду в тумане я,
Словно бог во мгле веков,
Что возникнут очертания
Гор, деревьев и цветов.
Я им дам сперва названия,
Перепробовав на звук
Мне известные заранее —
Кара-Даг, Каю-Сюрюк...
Отделю от моря сушу я,
На ладонь туман солью,
Разгляжу я и послушаю:
Даг-Кара, Сюрюк-Каю.

1976

Я к тебе забыл сто дорог,
Тысячу путей,
Тыщи троп.
Я бы просто по небу мог,
Даже без особых затей.

Синие озера твои
Выцвели от солнц и от лун,
Убежали в реки ручьи
Через белый камень-падун.

Льны твои,
Что ветра полны,
Посеклись и стали белы.
Встали над землею, темны,
Сосен золотые стволы.

Рыба в реках синих твоих
К берегам прибилась, всплыла
Высоко до листьев сухих,
Что удачей быть мне могла.

Но твои озера сини,
Стоило взглянуть — потонуть,
Золотые льны тишины
Волны захлестнули на грудь.

И как будто не было лет,
Сосны молоды, в реках лов,
Льется от берез белый свет,
Ох, не надо слов, снова слов.

Я к тебе забыл сто дорог,
Я их вспоминал допоздна,
Никакой не выбрал в свой срок,
И теперь осталась одна...

1976

БЕЛОЕ ОЗЕРО

Будет печалить и радовать
В мире оно и без нас
Белой неожиданною радугой,
Искрясь, как мартовский наст.

Там, где кончаются озими
В дальней дали и леса,
Синее Белое озеро
Встало стеной в небеса.

Белой дугою очерчено,
Солнца касаясь и звезд,
Тихое, будто доверчивость,
Но с перезвонами гроз.

Нимбом, светящимся издали,
Встало над краем навек
Неотразимо и искренне,
Будто бы взгляд из-под век.

Белое озеро может быть
Цвета черемух полно,
Белое озеро — боже мой,—
Как это было давно.

1976

Летят на юг под небом птицы,
Как будто их несут ветра.
В осеннем парке дым струится
И пламя плещется костра.

Аллеи тихие пустынны,
Пруды листвою занесены,
Красны высокие рябины,
Поля далекие черны.

Поедем в пригород недалний
На вернисаж живых картин
Раздумий, грусти и печали
Без объяснения причин.

Автобус станции конечной
Уперся в синий небосклон,
Горят березы, словно свечи,
Там, как на стыке двух времен.

Там в вышине звучит прощанье
Птиц перелетных над землей,
Там горький запах увяданья
Смешался с дымом и золой.

И обнаженные просторы
Пусты, как белые холсты,
И краткий день щемяще дорог,
Как свет, упавший с высоты.

1976

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Грохочут в небе дни, как поезда,
Все в молниях, ветрах и ливнях плотных,
Уходит лето через города,
Как праздники, легко и беззаботно.
Не надо ждать каких-то перемен
И радостей каких-то неизвестных.
Уходит лето в травах до колен,
В хлебах по пояс, плечи в перелесках.
Уходит лето, не остановить.
Не сесть за стол — давай раскинем бражна,
И будем петь, и будем вина пить,
Как было в мае...
Ну и пусть,
Не страшно.
Еще ветра, пожалуй, на пути,
Еще как будто не остыли воды
Реки, что в синем золоте летит
И белые качает пароходы...
Но дни летят — не оглянуться вслед
Теперь уже, ни при какой погоде,
Не чередает неторопливых лет,
Уходит лето. Навсегда уходит...

1976

День начат с молока и хлеба,
С даров взыскующих полей,
В нем трубный глас, летящий с неба,
Громоподобных кораблей.

Они, как ангельские стрелы,
На миг возникли и прошли,
Маня в нездешние пределы
Просторов неба и земли.

А под окном горит рябина,
Березы жаром залиты,
И веет тишиной пустынной
От подступившей высоты.

Такой, что, может, и не нужно
Тех сиринов над головой.
Есть хлеб, и кружка с белой дужкой,
И соль в солонке голубой.

1976

КИРИКИ УЛИТЫ

Леониду Буркову

Церковь Кирики Улиты,
Рыжий красный березняк
Почему-то не забыты,
Не забудутся никак.

Вспоминаются нежданно
Без причины и тоски
Небеса, в лесу поляны,
Под ногами рыжики.

А от церкви следу нету,
Только этот березняк
Льется, льется белым светом,
Продувает, как сквозняк.

Церковь Кирики Улиты...
Все рассыпано давно,
И ищи ты не ищи ты —
Не отыщешь...

Все равно.

Почему-то не забыты,
И звучат, плывут слова:
Церковь Кирики Улиты,—
Словно в небе острова.

1976

Ах, эти притчи во языцех!
Гудит от них двадцатый век.
Быть, зацепиться, утвердиться
И переплюнуть имярек.

И все же, как это ни странно,
Мир замедляет бурный бег,
Уходят гномы и титаны,
Стихают волны, сыплет снег.

Тысячелетие второе
Кончается, а что за ним?
Какие там грядут герои?..
Не ведаем, что сотворим.

И все же снег летит, ложится...
Забвенье, милость, смена мет...
Ах, эти притчи во языцех,
И белый, снова белый свет...

12 декабря 1976 г.

Вот и век кончается двадцатый.
Электрогитары у бедра
На ремнях, как будто автоматы,
Джинсы, продувные свитера.

Мальчики, юны и бородаты,
Бьют в упор крест-накрест, перекатом
Мир берут, как будто бы солдаты,
Словно автоматчики, с эстрад.

Волосы на небеса раскинув,
Гнутся, словно складень перочинный...
Не пригнешься — голову снесет
Век двадцатый. Нет, не без причины
Песня криком разрывает рот...

1976

Юлии Друниной

Где вязы кронами сплелись,
В ущелье нелюдимом,
Поставлен камень-обелиск
В лесу под Старым Крымом.

Был партизанский лазарет
Здесь две зимы, два лета,
И никого на свете нет
В живых из лазарета...

Разведка шла через леса
Уверенно и споро,
По затыкам, как по часам,
Пересекая гору.

Молчала спящая гора,
Под ней вода журчала.
Там медицинская сестра
В ручье бинты стирала.

В землянках маялись в бреду
От голода и муки...
Могли ли отвести беду
Девические руки?

Фельдфебель был из здешних мест —
Выслуживал, старался...
Он к ней наперерез
Без «шмайссера» поднялся.

...Был партизанский лазарет
Весь вырезан к рассвету.
И двадцать лет, и тридцать лет
Молчат леса про это.

И ни могилы, ни креста,
Ни имени, ни даты...
На всех державная плита,
Одна на век двадцатый.

Одна прощальная слеза
Из камня из гранита.
Да только неба бирюза,
Да мир, ветрам открытый...

1977

Всю ночь ревело в бухте море,
Шли волны, словно поезда,
И, одинокая, в просторе
Мерцала как маяк звезда.

А может быть, патрульный катер
Меж волн взлетал и падал вниз —
На вахте в заданном квадрате
Вел поиск, несмотря на риск.

А море в берег било, било,
Как будто колокол во мгле —
И потому тревожно было
Всю ночь до света на Земле.

И не уснуть под этот грохот,
И бодрствовать невмочь уже...
А может, это ты, эпоха,
Всю ночь звучишь в моей душе?..

Апрель 1977 г.

Земля летит, зеленая, навстречу,
Звенит озер метелью голубой.
На ней березы белые, как свечи,
Свист пеночки и цветик полевой.

Я землю эту попирал ногами,
К ней под обстрелом припадал щекой,
Дышал ее дождями и снегами
И гладил обожженную рукой.

Прости, земля, что я тебя покину,
Не по своей, так по чужой вине,
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне...

1977

СОДЕРЖАНИЕ

Егор Исаев. Костры любви и памяти...	3
«А мы прошли по этой жизни просто...»	5
В огороде	6
«Он шел по дороге в большое село...»	7
Ночь («Давным-давно огни погасли в хатах...»)	8
Копье	9
Дождь	10
Граната	11
«Может, мне и осталось всего...»	12
«Хочу, чтобы меня вело...»	13
«Обвалились небесные хляби...»	14
«Дымные твои просторы...»	15
«Издали рвякают гулкие пушки...»	16
«Как долго мы не получали писем!..»	17
«Не с немцами воюем, а с болотом...»	18
«Далеко течет река Шексна...»	19
Карты	21
Песня о лошади	23
«Зачем руда сто тысяч лет...»	25
«...На картах не гадай, к чему...»	26
Перед атакой	27
«Спят солдаты крепким сном...»	28
«Вокруг весна беспутная петела...»	30
«Осенняя ночка темна...»	31
«Мир вспоминали в танке тесном...»	32

В подбитом танке	33
«Жил на свете, не скучал...»	34
«Когда на фронте наступает ночь...»	35
«А было, под Волховом синим...»	37
Открытка	38
«Тонкая российская береза...»	39
«Он ничьих не называл имен...»	40
«Любители костра и солнца...»	41
«Все болота, болота...»	43
Земля новгородская	44
«Металл сгорел, и пусто в черной башне...»	46
Танкист	47
«Я своих фотографий тебе не дарил...»	48
«Пусть о нас вспоминать будут редко...»	49
«Здесь земля дрожала не от страха...»	50
Деревня Гора	51
«Знаю я, в песчаник иль суглинок...»	53
«Сумрак сел...»	54
Мать	55
«Не таким, не в войну, с полпути...»	56
Победа	57
«Будут жарко натоплены печи...»	58
«Когда под пулями лежишь...»	59
Белозерье	60
«Огонь на поленьях сосновых в печи...»	62
«Над моим родимым краем...»	64
«Любимая, ко мне приходит снова...»	65
«Война прошла, но нам еще в атаки...»	67
«Цветет за окнами картофель...»	68
«По небу падает тихо звезда...»	70
«И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова...»	71
«В детстве в речке меня ловили...»	72
«Учила жизнь сама меня...»	73
«Мир безначальный, бесконечный...»	74

«Живу как получается...»	75
Зима	76
«Слесари, танкисты и поэты...»	77
Закат	78
«За Вологодой метели с бубенцами...»	80
«Невтерпеж ходить по осени...»	81
«Мне кажется, что я живу...»	82
«Пусть оборот вокруг оси...»	83
«На чужое заглядеться счастье...»	84
«За слоем Хивсайда...»	86
«Узкий месяц, легок на вспомине...»	87
«Нам уходить от милого порога...»	88
«Поэтов бессонница мучит в квартирах...»	90
«Не забыл я тебя...»	91
«О далеком селении Чайка...»	92
«В ночи трепещет тонкая мембрана...»	94
«Утрами травы розовеют в росах...»	95
Ночь («Петух грудастый прокричал спросонок...»)	97
«Над городом синие тени...»	100
«Без тебя и день не в день...»	101
«Самое тихое время суток...»	102
«Без следа исчезну, только где-то...»	103
«По одной нам земле ходить...»	104
«Стерегущий»	105
«Медленно вращается Земля...»	106
«Как скучно иногда живут...»	107
«Коль трудно будет, я приду туда...»	109
У костра	110
«Я словно опустевшая квартира...»	112
«Впервые в жизни на земле большой...»	113
«Ни шороха, ни звука, тишина...»	114
«К тридцати летят, идут года...»	116
Белой ночью	117
«Говорят, что мы — поколение...»	119

«Когда искусство не было товаром...»	120
«Жить бы мне на земле...»	121
«Я не люблю людей, которым...»	122
Перед праздником	123
«Золотые песчинки секунд...»	124
«Нет великих людей. Я сам...»	125
Партии	127
«С детства я запомнил это имя...»	129
«За срубом стертго порога...»	130
«Снежок неторопливый, пристальный...»	131
«Мне этот город с кирками, костелами...»	132
«Взревели дюзы частыми громами...»	134
«Требуется сказка для детей...»	135
Двадцатого столетия ямщики	136
«До конька украшенный резьбой...»	138
«Дымная качается река...»	139
«Муку надо же такую...»	140
«Мы не пытались в жизни окопаться...»	141
«Там, где из вороненой стали...»	142
«Я много раз в пути встречал рассветы...»	143
«Люди веруют в поезда...»	144
«Хвала не взлетевшим ракетам...»	145
«Птаха малая песней заветной...»	146
«Леса уходят...»	148
«У леса голубого на опушке...»	149
«Меняется движение светил...»	150
«Земля землей, не мелковата...»	151
Ха Лонг	152
«Не носят давно награды...»	153
«Как древний Рим во время оно...»	155
«Та глина, из которой нас лепили...»	156
Костры	157
«С утра в субботу электрички...»	159
«...Не тяготит застольный разговор...»	160

«Не хочу я участвовать в той кутерьме...»	161
«Ходят по свету страсти-мордасти...»	162
«Милый север, край лесной...»	163
«Бывает — белый свет покажется с овчинку...»	164
«Живем на свете, как радары...»	165
«Нас нет на свете...»	166
«Ничему не научился...»	167
«Остается небольшая малость...»	169
«Во мне по ночам просыпается страх...»	170
«Россия есть у каждого своя...»	171
«Есть день...»	172
«Мир, что остался позади, пожалуй...»	173
«На улицах Праги старинной...»	174
«Есть у сосен зеленых...»	175
«Дождик льет, собака лает...»	176
В этот день	177
«Все чаще, с грустной завистью, все чаще...»	179
«Ноги в руки, ветер в спину...»	181
Памятник танкистам в Мукдене	183
В Шанхае	185
«Христос распят...»	187
«Все будет, только нас не будет...»	188
Рассвет	189
«И черная случается весна...»	190
«Появились на дорогах вепри...»	191
На рыбалке	193
Снег	194
Деду Морозу	196
Запели сани...	197
«Замечаю, происходит что-то...»	198
Гарсиа Лорка	199
«Та землянка в волховских болотах...»	201
Слагая об армии оды	203
На Красной площади	204

«Когда это будет, не знаю...»	207
«Теряю вкус к подробностям хмельным...»	208
«День падает...»	209
«Как будто древних царств реликт...»	210
«Синь все небо уносит...»	212
«Мне нынче снится край родной ночью...»	213
На Шексне	215
«Я требую не многого...»	216
«Стерпится — слюбится, все позабудется...»	217
«Враг не может предать, как друг...»	218
«За окнами белая стужа...»	219
«Все кончится...»	220
Север	221
«Май приносит дым воспоминаний...»	222
«Стал я стар...»	223
«Я-то знаю наверно...»	224
«Пал туман на море синее...»	226
«Я к тебе забыл сто дорог...»	227
Белое озеро	229
«Летят на юг под небом птицы...»	230
Прощанье с летом	232
«День начат с молока и хлеба...»	233
Кирики Улиты	234
«Ах, эти притчи во языцех!..»	236
«Вот и век кончается двадцатый...»	237
«Где вязы кронами сплелись...»	238
«Всю ночь ревели в бухте море...»	240
«Земля летит, зеленая, навстречу...»	241

Сергей Сергеевич Орлов

КОСТРЫ

М., «Советский писатель», 1978, 248 стр.

План выпуска 1978 г. БЗ — 50-27-78.

Редактор Г. Г. В а л и к о в. Худож. редактор

В. В. М е д в е д е в. Техн. редактор З. Г. И г н а т о в а.

Корректор С. Б. Б л а у ш т е й н

ИБ № 1639

Сдано в набор 06. 07. 78. Подписано к печати 10.11.78. А10С50.
Формат 70×108^{1/2}. Бумага тип. № 1. Журнально-рубленая гарни-
тура. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 5,66. Тираж
50 000 экз. Заказ № 725. Цена 70 коп. Издательство «Советский
писатель». 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Воло-
дарского Лениздата. 191023, Ленинград, Фонтанка, 57

70 495.

Ct